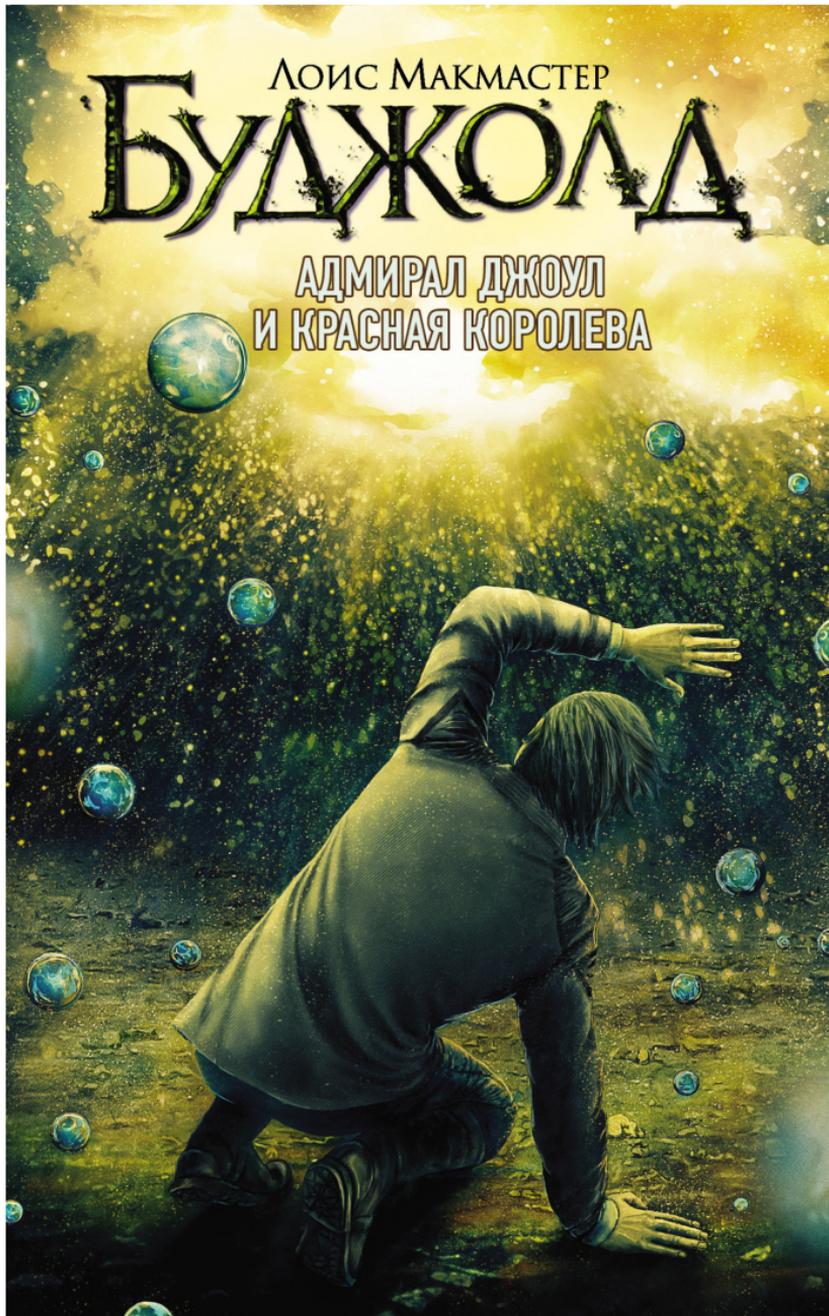

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

АДМИРАЛ ДЖОУЛ
И КРАСНАЯ КОРОЛЕВА

Лоис Макмастер Буджолд
Адмирал Джоул и
Красная королева
Серия «Вселенная Майлза
Форкосигана», книга 18

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33411198

*Адмирал Джоул и Красная королева : [роман] / Лоис Макмастер
Буджолд ; [пер. с англ. А. Астовой] : Издательство АСТ; Москва; 2018*

ISBN 978-5-17-098215-8

Аннотация

Корделия Нейсмит, вдовствующая графиня Форкосиган, отдала 40 лет заботам о муже, сыне и обустройству планеты, которая так и не стала для нее родным домом. Теперь, когда она почти освободилась от многих принятых на себя обязательств, настало время для серьезного выбора... Адмирал Джоул, глава планетарного флота, уму которого некогда завидовал Майлз, а внешности – его брат Айвен, к своим пятидесяти годам получил от жизни все, чего желал. Или... почти все? А Майлзу, лорду-аудитору, предстоит расследование, открывающее тайну, связанную с его собственной семьей.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	39
Глава третья	74
Глава четвертая	116
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Лоис Макмастер Буджолд

Адмирал Джоул и

Красная королева

© Lois McMaster Bujold, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава первая

Сегодня на военной орбитальной станции Зергияра радостное событие – вице-королева возвращается домой.

Адмирал Джоул вошел в помещение командного пункта. Главный тактический дисплей мерно жужжал над пластиной головида, переливаясь красочным многоцветьем. Джоул бросил привычный взгляд: вот его территория – система Зергияра, представленная в увеличенном масштабе. Довольно удобно для восприятия, но сильно искажает астрографическую реальность, где людям четко указано их место – едва заметная крапинка на поверхности пылинки. Желтая звезда класса G в ожерелье из полудюжины планет и их лун на таком расстоянии казалась ручной и уютной; внизу, под станцией, вращалась колония Зергияр. Наибольшее стратегическое значение имели четыре точки перехода п-в-туннелей – врата Зергияра в большую Галактическую сеть – и обслуживающие их военные и гражданские станции. Два туннеля с очень напряженным коммерческим трафиком и плотным потоком передачи по сжатому лучу открывали путь к остальной части Барраярской Империи и к ближайшему соседу Зергияра на этой стороне, мирному сейчас Эскобару; еще один тоже вел в Большую Галактику, но по обходному маршруту, длинному и экономически невыгодному. Последний же, как показывали сорок лет исследований, вел в нику-

да.

Джоул подумал, что сейчас он мгновенно воспринимает всю карту в целом, со всеми движущимися точками, и даже уже не помнит, когда именно он впервые смог это сделать. Но это что – вот его наставник, Эйрел Форкосиган, с легкостью проделывал такое с картой всей трехпланетной Империи! Прежде Джоул считал это чем-то сверхъестественным. А потом эта способность появилось и у него – как бы сама собой, просто с течением времени, без каких-то особых усилий. Да, время и впрямь щедро одарило Джоула тем, что достигается лишь усердным трудом. Вот и прекрасно. Время перед ним *в чертовски огромном долгу* за все то, чего оно его лишило.

Тем утром в зале КП было тихо, техники скучали за мониторами, в рециркулируемом воздухе витали привычные запахи работающей электроники и подгоревшего кофе. Подойдя к одному из экранов, адмирал положил руку на плечо диспетчера: «Не отвлекайся». Тот кивнул и продолжил наблюдение за двумя кораблями, появившимися из точки перехода.

Скачковая шлюпка вице-королевы была почти такая же, как и у адмирала флота – компактная, быстроходная, без тяжелого вооружения, зато оснащенная самыми современными средствами связи. Курьерский корабль эскорта не уступал ей по скорости, но и вооружен был немногим лучше – такое сопровождение годится только на случай технических

неполадок. По счастью, на сей раз в полете ничего экстренного не случилось. Джоул напряженно отслеживал все стыковочные маневры, хотя и знал, что волноваться не о чем: ни один пилот не рискнет произвести неуклюжую стыковку под взглядом *этих* спокойных серых глаз.

– Почетный караул рапортует о готовности, сэр! – раздался сзади голос его нового адъютанта.

– Спасибо, лейтенант Фориннис. Уже идем. – Адмирал кивком велел девушке следовать за ним и направился к причальным докам – встречать вице-королеву.

Кайя Фориннис была далеко не первой из огромного числа техников, медтехов и военных женского вспомогательного корпуса Имперской СБ, прикомандированной к Зергияру, и не первой, прикомандированной непосредственно к офису адмирала. Вице-королеве это должно понравиться, хотя Корделия наверняка не преминет в очередной раз напомнить всем, что ее родина – колония Бета – и другие цивилизованные планеты с незапамятных времен могут гордиться полной гендерной интеграцией космических сил. Джоула утешало лишь то, что его вклад в великое дело этой самой гендерной интеграции ограничивается руководством в рабочие часы, а уж чем там заняты дамы в свободное время на станции или на планете, – за это несет ответственность полковник ЖВК СБ: этакая мамаша, особа весьма деятельная и оперативная, надо признать.

– Я еще ни разу не видела вице-королеву живьем, – с при-

дыханием призналась Фориннис. – Только на видео.

Джоул напомнил себе, что не следует чересчур ускорять шаг. Впрочем, Фориннис могла задыхаться и от восторженного благоговения перед героиней, – с точки зрения Джоула, вполне оправданного.

– Да? А я думал, вы родственница графа Форинниса. Вы ведь много времени проводили в Форбарр-Султане?

– Мы с графом не в очень близком родстве, сэр. Я его видела всего дважды. А в столице почти все время сидела в оперативном отделе. Мне почти сразу дали административную работу. – Ее легкий вздох, как нетрудно было понять, означал примерно то же, что и у ее предшественников мужского пола: «От черт, нет чтобы на военный корабль!»

– Ну-ну, не унывайте. Мне пришлось семь лет прослужить в столице секретарем и адъютантом, но потом я все же попал на три вахты в эскорт торгового флота. – В мирное время это самая активная и разветвленная служба космического базирования, мечта офицера имперских сил. Кульминацией для Джоула стало звание капитана корабля, которое он, когда пришел срок, сменил на зергиярскую нашивку.

– Да, но вы ведь были адъютантом *самого регента Форко-сигана!*

– В то время его уже понизили до премьер-министра. – На лице Джоула мелькнула улыбка. – Не настолько ж я старый. – Он чуть было не добавил: «милая барышня». Интересно, она кажется ему двенадцатилетней девочкой толь-

ко из-за маленького роста, или потому, что она женщина? А впрочем, нынешние ее коллеги-мужчины тоже ничуть не лучше. – Хотя, по некоей иронии судьбы, в театре военных действий мне довелось оказаться единственный раз, когда я в качестве секретаря сопровождал премьер-министра на Ступицу Хеджена. Но отправляясь в путь, мы еще не знали, что это может завершиться самой настоящей войной.

– И вы попали под обстрел?

– Ну, в общем-то, да. На флагмане тылов не бывает. А поскольку император тоже на тот момент был на борту, нам здорово повезло, что не пробило защиту. – Двадцать лет уже прошло. Он был свидетелем всей этой сверхсекретной заварушки – с первого до последнего момента и с самого близкого расстояния, – не отходя ни на шаг от экс-регента, премьер-министра, адмирала графа Форкосигана. Свои рассказы о войне на Ступице Хеджена ему и по сей день приходится тщательно корректировать.

– Значит, вы знакомы с вице-королевой Форкосиган еще с тех времен, да?

– Примерно так, да. Это было... – Пришлось вычислять в уме, и результат его ошеломил. – Почти двадцать три года назад.

– Мне самой почти двадцать три года, – призналась Фориннис, и в тоне ее прозвучало искреннее уважение.

– А-а, – только и сказал Джоул. От дальнейшего погружения в это сюрреалистическое искривление времени его спас-

ло то, что они как раз прибыли на девятый причал.

Почетный караул застыл по стойке «смирно», и Джоул сдержанно приветствовал их, привычно окинув взглядом. Что ж, ладно, здесь всё нормально – начищены до блеска. Он для порядка похвалил сержанта и стал ожидать продолжения торжественной церемонии встречи, заняв стратегически выгодную позицию – так, чтобы видеть выход из пассажирского шлюзового туннеля, который только что разблокировали (за этим следил специально обученный техник причальной платформы). Выход из невесомости шлюзового туннеля в гравитационное поле станции или корабля редко кому удается осуществить с непринужденным достоинством. Но у тех троих, что первыми покинули скачковый катер, чувствовался немалый опыт: корабельный офицер, эсбэшник охранник вице-королевы и ее личный оруженосец Рыков, которого новый граф Форкосиган передал своей матери, вдовствующей графине. Офицер проверил технику на причале, эсбэшник произвел осмотр и сканирование во избежание угрозы со стороны встречающих, а оруженосец повернулся помочь своей госпоже. Джоула позабавило, как Фориннис все норovit привстать на цыпочки, не в силах скрыть нетерпение, но тут как раз на выходе появилась вице-королева, приковав к себе всё внимание Джоула. В первый момент она чуть покачнулась, но быстро обрела равновесие с помощью оруженосца.

Прозвучал сигнал горниста, приветствующий ее прибы-

тие, и все замерли, приосанившись.

Адмирал Джоул, отсалютовав, произнес официальным тоном:

– Вице-королева Форкосиган, добро пожаловать домой. Надеюсь, ваше путешествие прошло спокойно.

– Благодарю вас, адмирал, именно так, – ответила она столь же официально. – Я рада вернуться домой.

Он окинул ее изучающим взглядом. Слегка дезориентирована после скачка, но ничего такого пугающего, как три года назад, когда она вернулась с государственных похорон своего мужа, мертвенно-бледная, погруженная в себя. Да и сам Джоул выглядел тогда не лучше. Колонисты Зергияра вообще не знали, вернется ли их вице-королева из этой поездки или им назначат вместо нее какого-нибудь чужого лорда. Но сейчас она уже сняла траур и носит брючные костюмы приглушенных тонов в комаррианском стиле, а ее ясная улыбка лучится теплом. Непокорные кудри, рыжие с проседью, все так же коротко пострижены; в точёных чертах лица ясно читается твердость и непреклонность.

В левой руке она крепко сжимала небольшой кейс, напоминавший с виду криоконтейнер. Лейтенант Фориннис, как положено вышколенному адъютанту, протянула руку:

– Ваша светлость, позвольте ваш багаж.

– Нет! – резко вскрикнула Корделия, отдергивая кейс. Поймав недоуменный взгляд Джоула, она овладела собой и продолжила уже более спокойно: – Благодарю вас, лейте-

нант, не надо. Это я понесу сама. А об остальном позаботится мой оруженосец. – Она посмотрела на девушку и перевела вопросительный взгляд на Джоула.

– Вице-королева, – проговорил он в ответ, – разрешите представить вам моего нового адъютанта – лейтенанта Кайю Фориннис. Она получила это назначение спустя несколько недель после вашего отъезда.

Корделия отбыла на Барраяр шесть недель назад, чтобы лично представить императору Грегору Годовой отчет вице-королевы Зергияра, а заодно провести несколько дней с семьей на Зимнепраздник. Джоул надеялся, что ее это не слишком утомит и она сможет немного отдохнуть и набраться сил. Хотя, зная молодое поколение Форкосиганов, не был в этом так уж уверен.

– Добрый день, лейтенант. Надеюсь, служба на Зергияре вам понравится. А... вы состоите в родстве с молодым графом?

– Не в близком, мэм.

Джоул подозревал, что ей уже изрядно надоели подобные вопросы, но Фориннис никак этого не выказала.

Вице-королева, обернувшись, произнесла стандартные слова благодарности почетному караулу. Сержант гордо ответил от их имени традиционное: «Мэм, да, мэм!» – и увел своих людей. Корделия проводила их взглядом, со вздохом повернулась к Джоулу и приняла протянутую руку.

– Право же, Оливер, – покачала она головой, – неужели

так уж обязательно устраивать этот официоз всякий раз, как я схожу с корабля? Мне всего-то нужно дойти от причального модуля до люка катера. Эти бедные мальчики наверняка спали.

– Вице-короля мы всегда встречали именно так. Для них это, знаете ли, не меньшая честь, чем для вас.

– Эйрел был для вас героем войны. И не одной.

– А вы нет? – усмехнулся Джоул. И тут же любопытствовал: – А что в этом кейсе? Надеюсь, не очередная отрезанная голова? – К счастью, для головы криоконтейнер выглядел слишком маленьким.

Ее серые глаза заблестели.

– Ну-ну, Оливер. Стоит только раз – всего лишь раз, прошу заметить! – принести домой кусок расчлененного тела, и все тут же начинают дергаться, а что это у меня в багаже. – Она саркастически улыбнулась. – Зато теперь мы можем *шутить* по этому поводу... ну что ж.

Лейтенант Фориннис, шагавшая вслед за ними, выглядела малость ошарашенной – то ли потому, что знаменитое историческое событие, покончившее с мятежом Фордариана, случилось задолго до ее рождения, то ли из-за отношения к этому ее начальства.

– Корделия, вы не хотели бы передохнуть перед полетом на планету? Не знаю, по какому времени вы питаетесь, но мы можем это обеспечить. – Весь Барраярский Имперский флот, включая и эту станцию, жил по Форбарр-Султанскому

времени, которое, увы, никак не соответствовало временно-
му поясу столицы Зергияра, поскольку эти две планеты, по-
мимо всего прочего, имели разную продолжительность су-
ток. Да и по разные стороны даже одного п-в-туннеля, со-
всем не *то же самое время*, не говоря уже о нескольких скач-
ках через пятимерное пространство, следующих один за дру-
гим, – в этом случае время могло вообще быть каким угод-
но. – Ручаюсь, что ваш катер подождет столько, сколько по-
требуется.

Корделия с сожалением покачала головой:

– Вчера, когда мы вошли в пространство Зергияра, я пе-
решла на каринбургское время. Полагаю, моя следующая еда
– обед, хотя точно это узнаю, только когда мы приземлимся.
Но нет, спасибо, Оливер, как-нибудь в другой раз. Сейчас
мне не терпится попасть домой. – И она еще крепче сжала
пальцы на ручке контейнера.

– Надеюсь, мы сможем наверстать это в самое ближайшее
время.

– О, я тоже очень на это надеюсь. Когда у вас ближайшая
вахта на планетной базе?

– В конце недели.

Она сощурилась, что-то прикидывая в уме.

– Та-ак. Пожалуй, можно будет устроить. Хорошо, мой
секретарь с вами свяжется.

– Прекрасно, – вежливо проговорил Джоул, скрывая разо-
чарование. Новости с Барраяра приходили по сжатому лучу

каждый час, а вот последние сплетни прибывали с возвращающимися визитерами не слишком часто. Может ли человек стосковаться по *голосу*? Мягкому, особенному голосу, в котором до сих пор чувствуется сильным бетанский акцент – через сорок с лишним лет после присяги и доказательства верности чужой Империи.

Как же быстро они дошли до люка катера. Джоул лично осмотрел судно меньше часа назад. Пилот отрапортовал о готовности. Джоул постоял рядом с Корделией, украв еще несколько минут, чтобы побыть вместе, пока заносили ее багаж.

– Вы путешествуете налегке.

Она улыбнулась:

– Это Эйрел привык двигать войска. Я предпочитаю более простую логистику. – Она взглянула на люк катера, словно ей не терпелось поскорее взойти на борт.

– Какие-нибудь лесные пожары внизу, о которых я не слышала по сжатоному лучу?

– Ничего, что проникло бы через стратосферу. – Традиционная разделительная линия в их ведении. Корделия от имени императора Грегора правит примерно двумя миллионами колонистов; Джоул подозревал, что добрая половина из них потребует ее внимания тут же, едва ее нога коснется земли. По крайней мере, он мог обеспечить, чтобы никакие новые проблемы не обрушились на нее сверху.

– Позаботьтесь о себе там, внизу. Или хотя бы позволъ-

те о вас позаботиться вашим людям. – И Джоул обменялся заговорщицким взглядом с оруженосцем Рыковым, который в какой-то мере выполнял при вице-королеве обязанности дворецкого. Тот кивнул в ответ.

Корделия только улыбнулась.

– До скорого, Оливер.

«И прочь она уходит». *И уходит, и уходит, как все Форкосиганы.* Джоул покачал головой.

Он выждал, пока раздастся звук раскрывающихся стыковочных зажимов, и лишь после этого пошел обратно.

Фориннис, шагавшая рядом, спросила:

– А когда она привезла голову Фордариана, сэр, вы там были?

– Мне было *восемь лет*, лейтенант. – Он с трудом сдержал улыбку и попытался изобразить положенную адмиралу серьезность. – Я рос в одном из самых западных округов – военного космопорта там не было, поэтому мы ни для одной из сторон особой ценности не представляли. Из войны мне больше всего запомнилось, что каждый пытался держаться так, словно ничего не случилось, но все взрослые были до смерти напуганы и пересказывали друг другу самые фантастические слухи. «Лорд регент прикончил маленького императора», «ему промыли мозги бетанские шпионы», – самая страшная клевета... Все считали, что в тот десантно-диверсионный рейд леди Форкосиган отправил ее муж, но на самом деле, как я позже узнал, все было не так просто. – И

не обо всем можно рассказывать, напомнил себе Джоул. – Здесь, на Зергияре, мы довольно часто встречаемся по деловым вопросам – у вас еще будет шанс попытаться выудить из нее кой-какие *ее* военные истории. – Хотя, по некотором размышлении, Джоул усомнился, стоит ли знакомить восторженного молодого офицера с форкосигановскими взглядами на инициативу. Это все равно что тушить огонь бензином.

Усмехнувшись, он вернулся на командный пункт, чтобы отследить катер вице-королевы, пока не поступит подтверждение мягкой посадки.

* * *

Денек на Зергияре выдался ясный, с террасы ресторана открывался вид на то, что Корделия не могла уже назвать ни палаточным лагерем, ни деревней – только городом, и никак иначе, даже по галактическим меркам. Терраса нависла над кручей, и это создавало приятную иллюзию, будто смотришь в наполненную светом бездну. Усаживая Корделию за заранее заказанный угловой столик, официант спросил, не желает ли мэм раскрыть поляризованный тент. «Пока нет», – ответила она и отослала официанта. Откинувшись на спинку стула, она подставила лицо ласковому, успокаивающему теплу, прикрыла глаза и попыталась не думать о том, сколько времени ее уже не успокаивали осязаемые ласки. «В следующем месяце будет три года», – подсказала деловая часть ее

мозга, которую никак не удавалось отключить.

Чтобы избавиться от боли, она вновь открыла глаза и принялась разглядывать свое окружение. Два ближайших столика, как обычно, оставались пустыми, если не считать ее эсбэшного телохранителя в штатском, который уже сидел за тем, что подальше, не потягивая чай со льдом и тоже озираясь по сторонам. «Ситуативное понимание», вот именно. С тех пор как она стала подданной Барраярской империи – больше сорока лет назад, – этих «ситуаций» было как-то чересчур много; сегодня она готова была пренебречь своими обязательствами, *для этого у меня есть люди*. Только вот паренек выглядит слишком уж юным, его еще самого надо опекать. Только ни в коем случае не подавать вида, чтобы не оскорбить его достоинство.

Она медленно вдохнула мягкий воздух – ах, если бы она могла так же втянуть его легкость в самые темные пустоты своего сердца. Официант принес два стакана воды. Корделия успела сделать только несколько глотков, когда тот, кого она ждала, появился в дверях, огляделся, приветственно поднял руку и зашагал к ее столику. Ее телохранитель, отследив это продвижение и отметив, что гость в гражданской одежде, с видимым усилием удержался от того, чтобы вытянуться по стойке «смирно» и отсалютовать пришедшему, когда тот проходил мимо, хотя они и обменялись кивками.

Когда Корделия впервые увидела лейтенанта Оливера Перина Джоула (сколько ему было тогда? двадцать семь?), она

безоговорочно сочла его красавцем. Высокий блондин, поджарый, точеные черты лица – о боже, а *скулы!* – голубые глаза, в которых светится глубокий ум. Более робкий – тогда. Сейчас, двадцать лет спустя, он изменился, но по-прежнему был высок и строен, только в фигуре и манере держаться появилась некая солидность. Его яркие белокурые волосы чуть потускнели, подернувшись сединой, ясные глаза окружены теперь гусиными лапками морщин, и с возрастом он обрел спокойную и надежную уверенность в себе. А скулы и ресницы остались такими же невероятными. Она едва заметно улыбнулась, позволив себе тайное мгновение изысканного наслаждения, пока гость не приблизился, чтобы склониться к ее руке и сесть рядом.

– Вице-королева.

– Сегодня – просто Корделия, Оливер. Если, конечно, не хочешь, чтобы я обращалась к тебе «адмирал».

Он покачал головой:

– Этого мне и на работе хватает, – и заулыбался еще шире. – Здесь среди нас был единственный настоящий адмирал. Мое последнее продвижение по службе всегда казалось мне ирреальным в его присутствии.

– Ты настоящий адмирал. Так сказал император. А вице-король дал тебе рекомендации.

– Не стану спорить.

– Вот и прекрасно, после стольких лет и такой огромной работы – слишком поздно.

Джоул усмехнулся, поднял руки, показывая, что сдается, и стал изучать меню. Он наклонил голову.

– Наконец-то у вас не такой усталый вид. Это хорошо.

Корделия не сомневалась, что выглядела сущей ведьмой в той нелегкой борьбе, которую вели они оба ради того, чтобы вновь обрести душевное равновесие. Она пригладила короткие рыжевато-седые кудряшки, которые, как всегда, абсолютно не желали укладываться в прическу.

– Я чувствую себя менее усталой. – Она поморщилась. – Сейчас я порой по несколько часов подряд не вспоминаю о нем. На прошлой неделе – даже целый день.

Джоул молча кивнул. Конечно же, он прекрасно ее понимает.

«С чего начать?» – задумалась она. «Последние три года мы виделись слишком редко» было бы не совсем правдой. Адмирал Зергиярского флота полностью погрузился в свои задачи военного помощника вдовствующей вице-королевы Зергияра – так же, как прежде, для них двоих, вице-короля и вице-королевы. Планета колонистов приняла Джоула – за его собственные выдающиеся достоинства, даже когда необъятная тень его наставника, безмолвно его поддерживающая, была похищена – уместно ли тут слово «безвременной»? – этой необъятной смертью. Оба они – и вице-королева Форкосиган, и адмирал Джоул – приспособились к новым шаблонам своей работы, в обход этого болезненного отсутствия, стягивая поверх раны общественные стежки. Бри-

финги, инспекции, дипломатические обязанности, петиции, советы – которые давались и выслушивались, споры с бюджетными комитетами как в тандеме, так и, несколько раз, в противостоянии – их рабочая нагрузка «после» Эйрела вряд ли отличалась по сути или по ритму от их рабочей нагрузки «до». И постепенно гражданская рана зарубцевалась, хотя все еще время от времени воспаляется.

Самые глубокие раны... их они почти не касались, боясь причинить друг другу боль. Корделия никогда не считала, что Оливер понес менее тяжелую утрату, чем она сама, потому лишь, что он более тщательно скрывал свое горе. И когда ей, вдовствующей вице-королеве, поневоле приходилось мучиться на всех этих нескончаемых публичных церемониях, она не раз завидовала – приватности его горя.

Только их прежняя близость, казалось, исчезла, похоронена вместе со своим входом в п-в-туннель. И они подобно двум планетам обречены бесконечно блуждать в пространстве, когда их общее солнце погибло. Возможно, пришло время для нового источника притяжения и света.

К столику подошел официант уточнить что-то с заказами – и спас ее от дальнейших внутренних... колебаний, да, она никак не могла решиться. Когда они снова остались одни, Оливер разрядил обстановку:

– Если предполагается, что это рабочий ленч, то мне не сообщили повестку дня.

– Не рабочий, нет, но у меня действительно есть повест-

ка дня, – призналась она. – Личная и частная, почему я и пригласила тебя сюда в наш так называемый свободный день. – Интересно, какой сигнал он прочитал в ее приглашении, если вместо формы надел удобную гражданскую одежду, которая так ему к лицу? Он всегда был очень внимателен к нюансам, это неоценимое качество проявилось, когда его еще только назначили военным секретарем премьер-министра Форкосигана в накаленной политической атмосфере столицы Барраяра. «Мы сейчас далеко от Форбарр-Султана. И я этому рада».

Еще один глоток воды, и она ринулась вперед:

– Ты уже слышал о новом репликационном центре, который мы открыли в старом городе?

– Я... не *per se*, нет. Я знаю, что ты по-прежнему много занимаешься здравоохранением. – На лице его было написано: «Я пока не понимаю, о чем ты, но слушаю тебя внимательно».

– Мама помогла мне собрать на Колонии Бета исключительную команду специалистов по репродукции, мы заключили контракт на пять лет. Помимо работы в клинике, они заняты обучением зергиярцев. Надеюсь, что к концу контракта мы сумеем открыть еще несколько филиалов в новых городах колонии. А если повезет, то, может, и соблазним пару-тройку бетанцев остаться.

Джоул, который не был женат и вряд ли собирался что-то менять, улыбнулся и пожал плечами.

– На самом деле я достаточно стар, чтобы помнить те времена, когда на Барраяре это было новой технологией, вызвавшей бурные дискуссии. Нынешние молодые офицеры принимают это как должное, и не только комарриане или де-вушки из ЖВС.

Официант принес вино – белое фруктовое: легкое, ледяное, произведенное непосредственно здесь, на этой планете, да! Она отхлебнула для храбрости и продолжила:

– В этом случае общественное благо – также и личное. Как, хм, Эйрел, возможно, тебе и не говорил, а я тоже не припомню, чтобы когда-то говорила, в один из беспокойных периодов регентства Эйрела – еще до того, как ты взошел к нам на борт – мы приняли меры предосторожности и тайно секвестировали гаметы от каждого из нас. Замороженная сперма от него, замороженные яйцеклетки от меня. – Да, уже больше тридцати пяти лет назад.

Оливер недоуменно поднял брови.

– Он мне как-то раз сказал, что после солтоксиновой атаки стал бесплодным.

– Для естественного зачатия – да, это было очень маловероятно. Низкое количество спермы плюс множественные повреждения на клеточном уровне, накопившиеся за всю его жизнь. Но для медицинских технологий достаточно всего одной хорошей гаметы, главное – ее выделить.

– Угу.

– По разным причинам – большей частью политическим,

нежели биологическим или технологическим – мы так и не вернулись больше в то хранилище. Но Эйрел сделал так, чтобы, согласно его воле, образцы после его смерти перешли в полную мою собственность. И сейчас, когда я ездил домой на Зимнепраздник и с Годовым отчетом, я их все забрала. И привезла на Зергияр. Они-то и лежали в том самом криоконтейнере, который я... в общем, над которым я тряслась, как наседка над цыплятами.

Оливер выпрямился, явно заинтересовавшись.

– Посмертные дети Эйрела? А ты можешь?

– Вот для этого мне и понадобились бетанские специалисты – чтобы выяснить. Их ответ – «да».

– О! И теперь, когда Майлз – граф Форкосиган в своем праве, и у него уже есть собственный сын... Полагаю, еще один сын – брат? – не создаст проблемы с наследованием... М-м... а они будут легитимными по барраярским законам?

«Майлз, мой старший сын, – грустно подумала Корделия, – всего на восемь лет моложе Джоула».

– На самом деле, чтобы обойти все подобные проблемы, я планирую зачать только дочерей. Барраярский закон о наследовании имеет одну особенность, которой я и собираюсь воспользоваться: все дочери будут считаться моими, и только моими. Они будут носить самую плебейскую фамилию Нейсмит. Они не смогут претендовать ни на округ, ни на имения Форкосиганов. Обратное тоже верно.

Оливер, нахмурившись, сжал губы.

– Эйрел... захотел бы оказать им какую-то поддержку. Если не сказать большего.

– Для этого я откладывала – и буду откладывать – очень неплохую вдовью часть наследства, причитающуюся мне как вдовствующей графине Форкосиган. К тому же я получаю жалованье вице-королевы и буду еще какое-то время его получать, плюс мои личные инвестиции, преимущественно здесь, на Зергияре. Чтобы жить своим домом, хватит вполне.

– Еще какое-то время? – переспросил Джоул, моментально выделив ключевой пункт. Вид у него был встревоженный.

– Я никогда не планировала оставаться вице-королевой до конца дней, пока не умру от бремени обязанностей, – мягко сказала она и мысленно добавила: «Как это случилось с Эйрелом». – Я бетанка и собираюсь прожить как минимум до ста двадцати. Я скормила Барраяру немалую часть жизни. Хватит... – Она осушила свой бокал; Джоул вежливо подлил ей еще. – Говорят, что человек не должен принимать важные жизненные решения или кардинально что-то менять по крайней мере год после тяжелой утраты, поскольку в этот период интеллектуальные способности снижены. Могу засвидетельствовать – так оно и есть. Я ждала на два года больше.

Джоул мрачно кивнул.

– Я думала об этом с того самого вечера, когда мы похоронили его в Форкосиган-Сюрло. – В тот вечер она остригла свои длинные, до пояса, волосы, которые всегда так любил Эйрел, срезала почти под корень и положила в жертвен-

ный огонь. Потому что прядки, которую обычно приносят в жертву, казалось абсурдно мало. И никто тогда не сказал ни слова против и не задал ни одного вопроса. С тех пор она никогда не отращивала волосы длиннее, чем сейчас, – на длину пальца. – В следующем месяце будет три года. Я думаю... это то, чего я действительно хочу, и если я собираюсь это сделать, то уже пора. Пусть я и бетанка, но я не молодею.

– С виду тебе обычно дают лет пятьдесят, – сказал Джоул. Почти его ровесница. Это не лесть, он действительно так думает. *Барраярцы.*

– Только барраярцы. Инопланетники оценили бы более правильно. – «Семьдесят шесть», подумала она. Это... не имеет никакого смысла. Разве что, последние три года она перестала считать годы от рождения и перешла на обратный отсчет, от смерти – призовой пакет времени не увеличивается, а уменьшается, «что не использовал, то потерял».

Официант принес им салат из синтезированного цыпленка с клубникой и сдобу, и Корделия получила передышку, чтобы подготовиться к следующему рывку. Джоул, к его чести, не стал спрашивать: «А зачем ты мне все это рассказываешь?» – а принял всё как элементарное – ну ладно, может, и не самое элементарное – дружеское доверие. И никоим образом не непрошеное. Она отпила еще один маленький глоток вина. Потом – большой глоток вина. И отставила бокал.

– У нас осталось не так много яйцеклеток для работы после того, как были отбракованы нестандартные. У меня с воз-

растом тоже накопились повреждения. Но думаю, я смогу получить шесть девочек, сразу.

Джоул подавил смешок.

– Ну что ж, женщины Зергияру нужны.

– Мужчины тоже. Там было еще совсем немного яйцеклеток, которые могли бы еще быть здоровыми, наподобие... полагаю, можно сказать, наподобие вылущенной яичной скорлупы. Они в любом случае будут нести в себе мою митохондриальную ДНК. И такие безъядерные яйцеклетки – именно те, которые используют для искусственного оплодотворения однополые пары.

Джоул чуть не подавился и уставился на нее широко раскрытыми голубыми глазами. Быстрота ума всегда была одной из самых привлекательных его особенностей, подумала Корделия.

– Если хочешь – подумай об этом, я тебя не тороплю, – я могла бы пожертвовать тебе несколько этих яйцеклеток и генетический материал Эйрела, и у тебя мог бы... у вас Эйрелом мог бы быть собственный сын. Или сыновья. Я имею в виду сыновей не просто биологических, но вполне законных. С X-хромосомой от Эйрела и Y-хромосомой от тебя потомки будут твоими неопровержимо по всем законам. Без этой проклятой смертельной приставки «Фор» перед фамилией.

Джоул наконец проглотил застрявший в горле кусок, запив его большим глотком вина.

– Это... это кажется безумным. На первый взгляд.

Он и правда слегка покраснел. Забавно. Ему, конечно, идет. А впрочем, ему всегда это шло. *До самых глубин*, вспомнила она и подавила улыбку.

– На Колонии Бета это было бы самое обычное дело. И на Эскобаре, и на Земле, да на любой продвинутой планете. – На нормальных планетах, как думала о них Корделия. – Господи, да даже на Комарре, и то. Этот биотехнологический трюк придумали уже *несколько веков* назад.

– Да, но не для нас, не для ... – Он замялся.

«Не для Барраяра» – хотел он сказать? Или: «...не для меня»?

Вместо этого он сказал:

– Но ведь, как говорится, «мотовство до нужды доведет»? Э-э?

– О, нет. Не тот случай.

– И сколько... сколько таких яйцеклеток?

– Четыре. Надеюсь, ты понимаешь, что это не гарантирует четыре живорождения. Точнее, не гарантирует ни одного. Но как бы то ни было, это четыре генетических лотерейных билета.

– И долго ты размышляла над этим, хм... экстраординарным предложением? – Он всё так же смотрел на нее широко раскрытыми глазами. – Ты уже держала это в уме, когда причаливала к станции?

– Нет, только после совещания с доктором Таном. Это было три дня назад. Мы обсуждали, что сделать с остатками.

Я об этом никогда прежде не задумывалась. Он предложил мне пожертвовать безъядерные яйцеклетки клинике, чтобы там могли ими воспользоваться, и если тебя это не заинтересует, то я, вероятно, так и сделаю. Но потом мне пришла в голову идея получше. – В ту ночь она почти не спала, обдумывая это. А потом отказалась от бесконечного мысленного блуждания по кругу и просто пригласила Оливера на ленч.

– Знаешь, я никогда не думал... я отказался от мысли когда-нибудь иметь детей... – сказал он. – Была моя карьера, был Эйрел, было... было то, что было у нас троих. И это было больше всего, о чем я вообще когда-то мечтал.

– Да. Я всегда считала, что тебе недостает воображения. – Она с аппетитом взялась за куриный салат. – И в высшей степени недостает корыстолюбия.

– Как я мог взять на себя ответственность... – начал он и тут же осекся.

– У тебя полно времени, чтобы обдумать конкретные детали, – уверила его Корделия. – Я просто хотела подкинуть идею.

– Ага, и теперь это моя головная боль? – Оливер демонстративно схватился за голову. – Знаешь, Корделия, ты всегда отличалась некоторым садизмом.

– Ну, Оливер. Скорее напористостью. Насколько ты помнишь.

Он чуть не захлебнулся очередным глотком вина – стало быть, помнит. *Прекрасно*. Но следующая его реплика стала

полной неожиданностью.

– Эверард Петер Джоул? – спросил он.

«Черт подери, он уже придумывает им имена!» Ну что ж... она придумывала имена своим гипотетическим дочерям в течение года. «Ничего себе, скорость реакции!» К счастью, у него есть время обдумать все еще раз на спокойную голову. И сквозь все страхи и тревоги, которые на него непременно нахлынут, – тоже. Она все это уже проходила.

– Мы на Зергияре. Здесь мы не связаны никакими традициями. Ты можешь выбрать любые имена, какие захочешь. Я собираюсь назвать свою первую дочку Аурелия Косиган Нейсмит. На самом деле их всех будут звать Косиган Нейсмит. Только Косиган станет фактически вторым именем, никаких дефисов или еще чего-то такого. – «Или приставки «Фор». – Не уверена, что впоследствии они будут мне за это благодарны.

– А что, хм... что по этому поводу думает твой сын Майлз? Или его клон-брат Марк?

– Я еще это с ними не обсуждала. И не намерена. Поставлю их перед фактом. Сказать, что это не дело Майлза, было бы неправильно. Но что не ему решать – это точно.

– А ты сама – или Эйрел – вы ему вообще о нас говорили? Он в курсе? Я никогда не был уверен до конца, то ли он все знает и принял меня, то ли просто не знает ни о чем.

Последний раз Оливер и ее сыновья виделись на изнурительных государственных похоронах. Не место и не время

для таких разговоров.

– Э-э. Нет. Если говорить о взрыве мозга, Эйрел всегда оберегал Майлза. Я его позицию никогда особо не разделяла, однако должна признать, что так было проще всего.

Джоул кивнул с облегчением.

Она с минуту изучала его взглядом, а потом добавила:

– Эйрел тобой всегда очень гордился. Надеюсь, ты это знаешь.

У него перехватило дыхание, и он отвел взгляд. Сглотнул. Коротко кивнул. Вздохнул несколько раз. И вернулся к основной теме.

– Когда ты только начала об этом говорить, я подумал, что ты, возможно, хочешь попросить меня стать крестным отцом или – как это называется у бетанцев, со-родителем?

– Со-родитель по закону, и чаще всего генетически, – то же, что и родитель, а крестный отец становится законным опекуном сироты в случае смерти родителей. И да, я столкнулась с необходимостью составить новое завещание. К счастью, мне доступны лучшие адвокаты на планете. Тебе, кстати, тоже придется в итоге этим заняться.

– Эйрел Косиган Джоул?... – пробормотал он себе под нос, словно не слушая ее слов. Хотя она точно знала, что он все воспринял.

– Никто и глазом не моргнет, – уверила она. – Или Оливер Джоул-младший, или что угодно другое, что тебе больше нравится.

– А как мне... объяснить им про мать? То есть, что у них нет матери?

– Анонимно пожертвованные яйцеклетки, купленные в банке гамет, высшего качества. И это даже не будет ложью. Тебе стукнуло пятьдесят – кризис среднего возраста, – и ты внезапно решил вместо ярко-красного флайера завести ребенка.

Он пригладил рукой свои седовато-золотые волосы и странно усмехнулся.

– Я начинаю думать, Корделия, что мой кризис среднего возраста – это ты.

Она удивленно пожала плечами:

– Мне следует принести извинения?

– Ни в коем случае. – И он, скрывая смятение, просиял улыбкой.

Нет – они действительно слишком редко виделись последние три года. Они просто часто проносились мимо друг друга. И она, и Оливер – оба они мчались сломя голову по рабочим и прочим делам, часто на разных планетах или на противоположных концах гравитационных колодцев, и вдобавок овдовевшую вице-королеву весьма настойчиво охраняли в ее новом положении соло, а значит, ни о какой неприкосновенности личной жизни и речи нет. Задним числом она завидовала Эйрелу, его бывшей команде, которая не лезла в чужие дела. И тому, как на всех на них распространялось его прикрытие лояльности.

Она быстро вытащила из кармана визитку, набросала пару слов на обороте и протянула через стол.

– Это – врач, чтобы пройти обследование, если надумаешь зайти в репроцентр и оставить пожертвование. Мой главный бетанец, доктор Тан. Он полностью информирован. В свободное от работы время, мистер Джоул.

Джоул осторожно взял карточку и внимательно ее изучил.

– Понятно. – Он аккуратно убрал визитку в карман рубашки и тут же снова коснулся ее своими длинными пальцами, словно боялся, что она исчезнет. – Это потрясающий подарок. Мне бы такое никогда в голову не пришло.

– Ну что ж, у меня все. – Она вытерла губы салфеткой. – А теперь подумай об этом.

– Сомневаюсь, что буду в состоянии думать о чем-то другом. – Его улыбка сделалась иронической. – И кстати, спасибо, что не обрушила это на меня посреди рабочего дня.

Она шутливо отсалютовала в ответ.

Взгляд его потеплел.

– М-да... Уже второй раз Форкосиганы полностью переворачивают всю мою жизнь и направляют в ту сторону, которой у меня и в мыслях не было. Мог бы и догадаться.

– Первый раз был, когда Эйрел в тебя влюбился?

– Скажи лучше, обрушился на меня со своей любовью. Это было, как если бы на тебя рухнул дом. Не обрушился, а именно рухнул с неба.

Она усмехнулась в ответ.

– Мне это ощущение знакомо. – И с любопытством посмотрела на него, вспоминая. – Эйрел говорил со мной почти обо всем – я была его единственным надежным убежищем для той его части себя, пока не появился ты, – но он всегда был несколько уклончив относительно того, как у вас с ним все началось. Империя находилась в состоянии мира, Майлз благополучно заперт в Академии, политического напряжения почти никакого – не то, что раньше. Я полетела на колонию Бета навестить маму, оставив его в очередном состоянии тайной безответной влюбленности – не хуже, чем бывало раньше. Возвращаюсь – и что я вижу? Вас с ним, воркующих как голубочки, и беднягу Иллиана вне себя от ярости, почти что на грани срыва. – Всецело преданный Эйрелу шеф Имперской СБ, похоже, готов был разрыдаться от облегчения – или крепко выругаться, – обнаружив в ней не оскорбленную супругу, а невозмутимую союзницу. «Я знала, что Эйрел был бисексуалом, когда выходила за него замуж. А он знал, что я бетанка. Никаких мелодрам никогда не предполагалось, Иллиан». – Единственное, что меня удивило, это как вам удалось отбросить все ваши барраярские комплексы.

Выразительное лицо Джоула озарилось весельем.

– Ну... Боюсь, ты бы сочла, что это случилось не по бетанскому варианту, а скорее по барраярскому. Разумеется, почти без всяких уговоров, в чем я абсолютно не раскаиваюсь. Срок секретности у нас ведь по-прежнему пятьдесят

лет, верно? Меня это вполне устраивает.

Корделия рассмеялась:

– Ладно, не важно.

Джоул поднял голову.

– А у него было много... э-э... тайных влюбленностей? До меня?

– Мне следовало бы предложить тебе сделку. – Джоул махнул рукой: «Ладно, не важно», – и Корделия улыбнулась: – Но я тебя пожалею. Нет, при том, что столицу прямо таки наводняли красавцы офицеры, его не интересовали те, кем можно только любоваться как дивным закатом или породистой лошадыю. Для Эйрела в первую очередь было важно, что это за человек. Он всегда, когда мог, брал к себе на работу умных и одаренных офицеров, и если им случалось пройти первичный отсев, тем лучше. Офицеров с незаурядными качествами днем с огнем не сыщешь. Три в одном...

Джоул снова попытался жестом остановить ее, но Корделия только отмахнулась:

– Не перебивай! Он увидел тебя впервые, когда вручал ту самую медаль, верно? К тому моменту он уже подробно изучил отчеты об аварии на орбите – он всегда так делал, когда должен был вручать награду – и все твои предыдущие отчеты. Ты как минимум избавил императора от необходимости искать замену примерно сотне военнослужащих, обучение которых стоит очень дорого. – Неудивительно, что Эйрел взял Джоула на работу почти сразу же, как только получил

разрешение врачей. Другая вербовка случилась чуть позже.

Джоул поморщился:

– Всегда такое странное чувство, когда рассказывают о тех событиях, а я о них практически ничего не помню. Последствия гипоксии, наверное, не говоря уже о потере крови. Так, во всяком случае, считали мои врачи из Имперского военного госпиталя. А мне оставалось только мучиться вопросом – что, если придется сделать это еще раз, а я не сумею вспомнить *как*? – Он улыбнулся и покачал головой: – Господи, я ведь был тогда совсем мальчишка.

– Ты был старше, чем когда-либо прежде. Как и все мы, надо думать, – сказала она и, чуточку помолчав, спросила: – А раньше, до Эйрела, ты ни разу не задумывался о своей ориентации?

Он пожал плечами:

– Если не считать эксперименты в четырнадцать лет. Я до того встречался с женщинами, насколько позволяла карьера, – правда, не слишком часто. Но насчет ориентации – нет, ни разу не щелкнуло. После Эйрела я, кажется, понял, в чем дело. – Он поглядел на нее сквозь ресницы. – Поначалу я тебя жутко боялся. Думал, дело кончится тем, что моя голова тоже окажется в подарочном пакете.

– Да, мне не сразу удалось тебя успокоить.

– И я обнаружил, что с прославленной графиней-бетанкой можно говорить буквально обо всем. До тех пор я ни разу не думал о себе как о наивном деревенском мальчишке.

Корделия хихикнула.

– На колонии Бета для таких случаев есть специальные сержанты. Их можно купить в любом ювелирном магазине.

– Ага. Кстати, напомни мне как-нибудь рассказать тебе о бетанском коммерсанте-гермафродите, с которым я познакомился, когда служил третий срок в конвое. Без твоих уроков я упустил бы... ну, в общем, это была совершенно необычная (колоссальная!) неделя. – На долю секунды его лицо преобразилось в сладостном восторге, всплывшем откуда-то из глубин памяти. Такого выражения Корделия не видела у него уже очень давно. В том, что оба они последние три года ходили как зомби и жили полностью на автопилоте, никакой загадки не было; вопрос в том, когда это стало *привычкой*.

– Я рада, что ты сумел преодолеть свою... э-э... застенчивость к тому моменту, когда снова приехал к нам на Зергияр.

– Возможно, этому помогли прошедшие годы и капитанское звание за плечами.

– Что-то, конечно, помогло, – дружески кивнула она.

Повисло чуть напряженное молчание.

Он покрутил ножку бокала; посмотрел ей прямо в глаза.

– Это будет нелегко и непросто.

– Так и раньше никогда просто не бывало. И почему же сейчас должно стать иначе?

Он рассмеялся – негромко, но искренне.

Они еще немного задержались обсудить деловые вопро-

сы – на колонии Хаос деловые вопросы неисчерпаемы, – а потом вместе встали из-за стола. Он не предложил ей руку, хотя и мог сейчас это сделать вполне беспрепятственно, – а она, шагая рядом с ним к выходу, держала дистанцию. Джоул помог ей сесть в лимузин, который подогнали ко входу. Машина тронулась с места, и она, обернувшись, смотрела сквозь фонарь кабины, как он идет к своей машине. Он сел за руль и смущенно помахал ей, когда ее лимузин сворачивал на улицу. Его рука снова коснулась нагрудного кармана.

Корделия понимала смятение, охватившее Оливера. Как ей казалось, он никогда не осмысливал для себя всё в целом. Черт возьми, если и существовал когда-либо человек, *достойный* быть любимым... Но если после смерти Эйрела он и завел какие-то связи, то ей об этом не рассказывал, а впрочем, он и не обязан. Ее попытки сватовства в баррарском стиле всю жизнь производились чисто наудачу, но все равно хотелось бы как-то ему помочь. Только вот Оливер был человеком очень нетривиальным... «Потому-то я и рассказала ему все и сразу», – напомнила она себе.

Лимузин Корделии свернул за угол, и высокий, одинокий силуэт Джоула скрылся из виду.

Глава вторая

Подъехав за двадцать минут до назначенной встречи с доктором Таном, Джоул не смог заставить себя войти в здание репроцентра и решил пока прогуляться по переулку.

Да, в Каринбурге уже есть переулки, а ведь с момента его основания прошло всего-то лет тридцать пять – сорок, смотря как считать. Чтобы застолбить новую планету-колонию, барраярцы первым делом возвели здесь военную базу и космопорт, укрытые в кратере потухшего вулкана. Вулкан был частью горной гряды, которая подобно стражу возвышалась над бескрайней равниной. Джоул видел самые ранние фотографии Каринбурга, запечатлевшие грязную улицу, где вместо домов стояли приспособленные под жилье старые военные модули (некоторые – явно краденые), наследие самой первой, примитивной базы. Как и в любом маленьком городке, выросшем возле крепости на Старой Земле или на Барраяре Периода Изоляции, здесь поначалу открывались в основном бары и бордели. Но когда стали прибывать первые законные граждане-колонисты и был назначен вице-король, эти заведения постепенно стали уступать место другим. Историческая правда о весьма небезупречных первых годах с удивительной быстротой менялась в пользу более романтического варианта, и теперь, похоже, всё шло к тому, что главы эти будут полностью переписаны, превратившись в деко-

рации для приключенческих романов.

Сейчас – как и все последние десять лет – самые бурные политические дискуссии велись по поводу переноса столицы в другое, более подходящее место на этом или одном из пяти других континентов. Те, кто уже успел сделать в Каринбург крупные капиталовложения, отчаянно этому сопротивлялись. И хотя у вице-королевы имелись десятки научных обзоров, свидетельствовавших в пользу переноса, Джоул сильно подозревал, что в этом сражении с инертностью человеческой природы Корделию постигнет одно из немногих ее поражений. А тем временем протогород бурно рос, расширяясь во все стороны.

Эти размышления снова привели Джоула к дверям Каринбургской репродуктивной и акушерской службы, или Караса (сокращение, звучавшее куда как приятнее, чем пугающе длинное официальное). Центр располагался не в старом полевом убежище, а в специально выстроенном здании, утилитарный вид которого свидетельствовал об ограниченном бюджете, поскольку клиника – хотя и не *эта* клиника – въехала сюда совсем недавно.

«Я смогу. Я всё смогу». Не этому ли учил его Эйрел Форкосиган?

Джоул сделал глубокий вдох и решительно вошел внутрь. ...Но когда встал в очередь к стойке рецепции, все равно порадовался, что одет в безликий повседневный гражданский костюм, а не в зеленую военную форму со знаками

различия. Хотя, конечно, на улицах Каринбурга имперские мундиры – вполне привычное зрелище. Перед ним в очереди стояли несколько человек: еще один мужчина, женщина и пара. Все они тут же обернулись на него посмотреть, и Джоул даже не знал, то ли радоваться, что он тут не один, то ли огорчаться, что привлек к себе внимание. Всех попросили подождать пока на неудобных стульях, стоявших вдоль стены, но когда Джоул назвал свою фамилию, регистраторша вскочила с места и провозгласила на весь зал: «Ах, да, адмирал Джоул! Вице-королева говорила, что вы должны прийти. К доктору Тану – сюда». Девушка проводила его через дверь в маленький коридор, в котором чувствовался слабый запах дезинфекции, как и во всех медицинских учреждениях, где приходилось бывать Джоулу. А может быть, эта тревога глохнет его из-за какой-то глубинной памяти о прежней боли и травмах? Нет, наверное, нет.

Девушка привела его в комнату, где стояло несколько столов с комм-пультами. Находившиеся здесь сотрудники сосредоточенно вглядывались в устрашающие колонки цифр и кричаще яркие клубки (Джоул решил, что это молекулярные карты). Разные цвета и фасоны лабораторных халатов, должно быть, обозначали подобно имперским мундирам и нашивкам различные функции, ранги и обязанности, но ключа к этому шифру у него не было. И здесь было гораздо больше персональных сенсорных панелей, игрушек, голо-кубов, сувениров. Одежда под халатами тоже у всех была самая раз-

ная, несколько молодых людей носили настоящие бетанские саронги и сандалии, хотя непонятно, были ли они при этом настоящими бетанцами. Ну, хотя бы кофейные кружки здесь выглядели привычно.

Регистраторша проводила его к столу, за которым сидел худощавый темноволосый молодой человек в голубом халате до колена. Под халатом он носил брюки и рубашку в типично зергиярском стиле.

– Доктор Тан, к вам адмирал Джоул.

– О, превосходно! Минуточку... – Он взмахнул пальцем и завершил свою работу на комм-пульте, закрыв картинку с загадочно мерцающими яркими линиями. После чего поднялся из-за стола и, улыбаясь, крепко пожал Джоулу руку. Регистраторша упорхнула.

Доктор Тан был смуглый и пышущий здоровьем. Черты его лица трудно было соотнести с какими-либо конкретными земными предками: в отличие от населения Барраяра – планеты, потерянной, изолированной в течение шести веков и вновь открытой всего столетие назад, – бетанцы уже несколько поколений использовали генетический клининг и реконструкцию, а значит, у любого из них могли быть какие угодно предки.

– Здравствуйте, адмирал! Добро пожаловать в Карас. Очень рад, что вы пришли. Друг вице-королевы – наш друг, не сомневайтесь!

Заслышав в речи незнакомца такой знакомый бетанский

акцент, Джоул почувствовал себя несколько дезориентированным, но всё же ответил на рукопожатие и произнес слова приветствия. Этот родной, привычный акцент не должен влиять на его решение, убеждал себя Джоул... Или он уже всё для себя решил? А раз так, зачем он сейчас проделывает все эти необходимые формальности?

– Вице-королева Форкосиган сказала, что у вас будут вопросы и что я должен на все них ответить. Не хотели бы вы начать с небольшой экскурсии?

– М-м... да, конечно. Пожалуйста. Единственный репро-центр, где мне довелось побывать, тогда еще не был введен в эксплуатацию. – Это было на Барраяре, в столице округа Форкосиганов Хассадаре, на торжественной церемонии открытия, которую тогдашний премьер-министр Форкосиган, а стало быть, и его помощник, посетили, чтобы поддержать медицинские проекты леди Форкосиган.

Доктор отвел его надеть одноразовый защитный костюм, после чего проводил в самый конец коридорчика, к двойным дверям. Шагнув внутрь, Джоул оказался в ярко освещенной клинической лаборатории. Здесь под вытяжными колпаками стояли лабораторные столы со всяческим оборудованием, с десятков техников сосредоточенно склонялись над пультами сканирующих устройств. Лаборатория чем-то напоминала тактическую рубку на корабле, только здесь никто не выглядел даже чуточку усталым, и каждое движение защищенных перчатками рук было тщательно выверенным, раз-

меренным и спокойным.

На первом столе, где работали несколько особо увлеченных техников, осуществлялось самое главное, – оплодотворение. Несколько контейнеров с жестко регулируемой температурой содержали питательную среду с ранним клеточным делением. Лабораторные установки на следующем столе предназначались для того, что доктор Тан называл контролем качества – иначе говоря, для генсканирования и коррекции. Второй ряд тепловых шкафов продолжал следующую стадию тщательно наблюдаемого развития, а за последними столами производились имплантации ратифицированных эмбрионов и их плацент в маточные репликаторы, которые станут им домом на следующие девять месяцев.

Пройдя в следующую дверь, Тан освободил своего гостя от измятого бумажного комбинезона и шапочки и провел его через ряд помещений, где хранились сами репликаторы, установленные в пять рядов в высоту. Индикаторы на приборных панелях контролировали ход процесса. Приятная музыка чередовалась с различными естественными звуками из скрытых динамиков. Индивидуальные звуковые выходы давали возможность транслировать запись тихих, ласковых голосов родителей, которые что-то говорили или читали. Джоул нашел это жутко бодрящим. Или скорее – бодряще жутким? Он задумался. Все эти выстроенные рядами контейнеры содержат в себе самые горячие надежды отдельных людей – или пар – на будущее. Следующее поколение

зергиарцев. Через пятнадцать лет эти беспокойные биологические комочки будут ходить по каринбургским улицам, одетые по непонятной моде, слушая раздражающую музыку и не разделяя политических взглядов своих ретроградов-родителей. Через двадцать пять лет они станут решать задачи, которые он, Джоул, сейчас даже и вообразить себе не может, а некоторые, наверное, снова вернуться сюда и будут работать в этом репроцентре или его преемнике. Или отдадут собственные гаметы для того, что вице-королева называла генетической лотереей.

Могли бы среди них оказаться и его дети?

«А пожалуй, да, могли бы».

– А зародышей... младенцев... их никак не могут перепутать? – О таких неприятностях ходило немало слухов. Впрочем, как заметила Корделия, большей частью их распространяли люди, страдающие иррациональным неприятием репроцентров.

Доктор обиженно улыбнулся:

– Наши техники – люди чрезвычайно добросовестные, но, чтобы успокоить тех, кто – скажем так – не слишком образован биологически, можно проверить генетику любого младенца. Для этого достаточно нескольких буккальных мазков и трех минут на сканере во время принятия родов. Или в любое время до родов – фактически, с репликатором амниоцентез становится тривиальной процедурой. Услуга бесплатная – точнее, она уже включена без всякой дополнительной

оплаты. – И, немного помолчав, добавил: – Вы, барраярцы, очень часто об этом спрашиваете. Вице-королева как-то раз предложила мне в таких случаях отвечать, что у нас вероятность ошибки доказуемо статистически ниже, чем при естественном методе, но последний вице-король разъяснил, что вряд ли это будет принято без обиды.

– Понятно, – кивнул Джоул и тут же попытался придумать несколько более удачных технических вопросов, чтобы искупить в глазах этого человека его барраярский IQ. Вообще-то он ничего не имел против горстки галактических иммигрантов на Зергияре, но, как ни крути, они порой бывают редкими занудами.

Он уже собрался было поведать свою собственную историю как естественнорожденного, без генетической чистки, чтобы доказать – что? Джоул и сам не мог толком сформулировать, и в итоге отказался от этой мысли.

Доктор Тан отвел его обратно, в другой кабинет рядом с приемной, и оставил там наедине с автоматическим регистратором, который в мельчайших подробностях принялся заполнять его историю болезни. Джоулу удалось ускорить сей утомительный процесс, подключив свою военную медицинскую карту, которую он вчера вечером как раз для этого и сохранил на наручном комме, удалив предварительно все сведения с неистекшим сроком секретности. К счастью, программа привыкла иметь дело с тайнами личных дел барраярских военных – довольно многие ветераны с базы хотели

после демобилизации остаться здесь или вернуться позже. Заполняла ли Корделия карту Эйрела? Да, она должна была это сделать, когда заполняла свою. Так или иначе, Джоула об этом никто не попросил. Тан, вернувшись, спас его от дальнейших размышлений.

– Еще вопросы? Готовы к следующему шагу? – жизнерадостно поинтересовался доктор.

У Джоула на языке вертелся вопрос: «К какому?» Не дожидаясь ответа, Тан кивком пригласил высокопоставленного гостя следовать за ним. По дороге он заглянул куда-то и взял какие-то предметы – Джоул не сумел разобрать, какие именно, – а затем привел его к другой закрытой двери с табличкой «Кабинет отцовства». На табло были слова «занято/свободно». Магнитный перекидной ярлык гласил «Прибраться», Тан перевернул его на другую сторону с надписью «Не беспокоить».

– Вот ваш контейнер для образцов, – объявил Тан, протягивая оный Джоулу, – с соответствующий маркировкой, как видите. Внутри раствор, в котором ваша сперма будет храниться в целости и сохранности, пока не пойдет в работу. Проверьте, пожалуйста, маркировку – все правильно?

Джоул, сощурившись, прочитал свое имя и цифровой код.

– Точно... да-да, все правильно.

– В случае, если можно так выразиться, конфузливости, вы найдете в кабинете много всяких пособий. Я также могу предложить вам дозу назального спрея-афродизиака. Рань-

ше мы выкладывали флаконы в корзину, но они постоянно исчезали, поэтому пришлось ввести нормирование – примите мои извинения. – И Тан протянул ему флакончик.

Джоул, который к этому моменту уже был слегка как под гипнозом, осторожно взял спрей. Доктор открыл дверь и сопроводил его внутрь.

– У вас столько времени, сколько понадобится. Когда закончите, подойдите лично ко мне, – ободряюще проговорил Тан.

Дверь закрылась, оставив Джоула одного в тихой, тускло освещенной, небольшой комнате. Он услышал негромкое царапанье лейбла щели, скользнувшего на позицию «занято».

В палате стояли удобное с виду кресло, стул с прямой спинкой и узкая койка, заправленная простыней. На полке выстроились секс-игрушки, с большинством из которых Джоул имел дело в не столь унылой обстановке и при других обстоятельствах, все обмотанные короткими бумажными ленточками с надписью «простерилизовано». Кроме того, здесь имелся видеоплеер – при быстром просмотре меню там обнаружили много названий, которые Джоул знал еще по жизни в казармах и на корабле, плюс еще несколько, которые вообще вряд ли когда-либо проигрывались для этих зрителей. Что заставило его на миг задаться вопросом, какие эквиваленты ходили в казармах ИЖБ и есть ли хоть одна женщина, у которой он осмелился бы это спросить. Не

Фориннис, в любом случае. Возможно, полковник, если они когда-нибудь как следуют вместе напьются. Головид предлагал также множество слайд-шоу с красивыми молодыми женщинами, несколько – с красивыми молодыми мужчинами, одно – с красивыми молодыми гермами, одно – с весьма ласкающими взор красивыми молодыми пышными дамами, и прочие, которые становились все страньше и страньше – так было запрограммировано галактической командой. Еще несколько коллекций слайдов – совсем уж отталкивающие, а две или три – вообще за пределами понимания, хотя Джоул и считал себя человеком, который много путешествовал. В любом случае ничего из предложенного не казалось сейчас возбуждающим.

Он выключал головид.

«Я этим занимался с тринадцати лет. У меня не должно быть никаких проблем». Да их, в сущности, и не было – с этим у него вроде никогда в жизни проблем не возникало.

Джоул сел на край койки, изучил инструкции относительно контейнера и задумался насчет назального спрея. Это походило на жульничество, неподобающее мужественному, зрелому имперскому офицеру. Заработал ли он себе хоть какие-то поблажки, ему ведь почти пятьдесят?

Это должно было стать самым неэротичным, не говоря уже о том, что в самом неромантичном месте, какое только можно представить. Какая странная ирония: именно здесь он должен выполнить главную биологическую цель всей своей

сексуальной жизни?

«Я мог бы это сделать, когда мне было двадцать...» Но с тех пор он уже почти тридцать лет подвергался воздействию жесткой радиации, биологическим опасностям и – самое главное – химическим отравлениям, тут и там в его богатой событиями военной карьере. Одному богу известно, какие повреждения накопились в его гонадах, начиная с той аварии в космосе, из-за которой он в двадцать с небольшим попал в Имперский военный госпиталь. Из самых древних, глубинных слоев памяти периода его учебы всплыла картинка: парни, работавшие с экспериментальным микроволновым оружием, отпускают шуточки, что будут отцами только девочек... Даже если бы он находился в самых что ни на есть традиционных отношениях, какие только можно себе представить, он все равно бы предпочел именно этот способ. Конечно, «предотвратимые дефекты или болезни» – отнюдь не то, чем любой отец хотел бы одарить своего первенца-сына... м-м, гипотетического ребенка.

«К черту всё!» – сказал себе Джоул. Все картинки, которые могли ему понадобиться, хранятся у него в мозгу, в его разуме и памяти.

Он задумался об Эйреле. Это, конечно, истинная сокровищница самых эротических воспоминаний, какие только можно представить. Полный диапазон всего, что только можно испробовать... И вообще это было бы даже очень уместно. Любимое лицо смеялось над ним из прошлого, чрезвы-

чайно удивленное его нынешними затруднениями, но лицо это слишком быстро затянуло холодом, засыпало глиной – пустая оболочка, которую он видел последний раз под стеклом в замороженном гробу, до чего ж несправедливо... и если бы Джоул последовал сейчас за охватившими его мыслями чуть дальше вниз, по спирали, то закончил бы тем, что вместо мастурбации просто-напросто разрыдался. Нет.

Сдаваясь, он сломал печать на назальном спрее и впрыснул его по очереди в каждую ноздрю. Капельки были холодные, без запаха и, казалось, никак не подействовали. И что дальше?

Внезапно в голове у него само собой всплыло воспоминание: Корделия, быстрым шагом спускающаяся по лестнице в холл Дома Форкосиганов, прикрытая одним лишь полотенцем, обернутым вокруг бедер наподобие бетанского саронга. И он сам, в панике выскакивающий из дверей. Что тогда такое стряслось, пожарная тревога? Угроза взрыва?.. Он не мог вспомнить. А вот полотенце запомнил, да. Ее кожа... да, она именно *носила* свою обнаженную кожу, как космическую броню. Но, увы, какой-то оруженосец или слуга быстренько вручил ей еще одно полотенце. А если бы вместо того, чтобы добавить второе полотенце, убрать то, что было на ней?.. Это... неожиданно оказалось более интересным.

Почему Корделия играет главную роль в его мысленном шоу? Это неправильно. Но, черт подери, это ведь из-за нее он угодил в такое дурацкое положение. Могла бы и потерпеть.

И все же в обрывках воспоминания у нее были длинные, развевающиеся рыжие волосы – волосы жены Эйрела. А может... может, нарисовать себе ее с короткими? Короткими кудряшками. Да, так явно лучше. А еще можно обойтись без взбудораженных учебной тревогой слуг и оруженосцев Дома Форкосиганов – и, раз уж на то пошло, и без самого Дома Форкосиганов вообще. Корделия осталась стоять в белой пустоте. Она взглянула на него, подняв брови: «Мог бы придумать что-нибудь и получше, малыш...»

Да, мог. И он вызвал в воображении свою маленькую парусную шлюпку, первую, которая у него была на Зергияре, на том самом озере, где он имел обыкновение спускать ее на воду. В самой середине озера, подальше от берегов. Косые солнечные лучи. Полный штиль – у него сейчас дела поинтереснее, чем сражаться с парусами и штурвалом. Корделия сидела на скамье на носу лодки, насмешливо глядя на него, и разворачивала полотенце. Да, и оба они без наручных коммов. Коммы они оставили на берегу. Теперь им никто не помешает.

Так, что еще? Чутьочку холодного белого вина – ей бы это понравилось. Он вручил ей бокал, и она поднесла вино к губам.

– Отлично, – произнесла Корделия, а уж она-то явно была тонким ценителем. Она поглядела на Джоула, приятно удивленная. Сбросила с себя полотенце, положила на дно лодки, добавила еще несколько, аккуратно выровняв по центру,

вдоль кия – она всегда умела четко оценить действие физических законов в приложении к маленьким лодочкам, да и вообще ко всему. А потом плюхнулась на эти полотенца с той присущей ей прямоотой, которая приводила в отчаяние ее светскую подругу и наставницу, леди Элис. Корделия потянулась, словно кошка, и на лице ее не было ни усталости, ни грусти.

– Оливер, – выдохнула она, протянув к нему свою сильную руку, и повелительно поманила ладонью. – Иди сюда, – хрипло приказала она...

* * *

Двадцать минут спустя Джоул вышел из маленькой комнаты с контейнером в руке, крышка плотно завернута. Моргнул на ярком свете, проверил ширинку и решительно зашагал искать доктора Тана. Он не *чувствовал себя* пьяным. Походка – он проверил по линии дешевой плитки пола – была абсолютно ровной. Но он чувствовал себя одновременно и бестелесным, и полностью телесным, словно ходячее несоответствие. «Неудивительно, что им приходится нормировать это зелье».

Тан, сидевший за рабочим столом, приветствовал его жизнерадостным «О!», взял контейнер и без всяких церемоний поставил на стол.

– Когда, э-э... я смогу узнать, насколько это успешно? –

спросил Джоул.

– Я займусь этим прямо сейчас и лично позвоню вам с отчетом... сегодня – не уверен, но не позднее завтрашнего утра.

Джоул удостоверился, что у врача имеется его личный комм-код.

– Все будет прекрасно, не сомневаюсь, – пообещал Тан, внимательно изучая выражением его лица. Джоул постарался напустить на себя самый безразличный вид. – В конце концов, триста миллионов к четырем – довольно хороший шанс. – Тан чуть помедлил. – Что касается отходов – у клиники имеется небольшой, но устойчивый спрос на высококачественные мужские гаметы. Вы, несмотря на возраст, несомненно, соответствуете всем критериям физического здоровья, интеллекта и так далее. Не хотели бы вы пожертвовать излишки для нашего каталога? Само собой, анонимно. – Тан дружески подмигнул: – Мне кажется, ваше лицо – ходовой товар.

Джоул вздрогнул. Ну, Корделия ведь в некотором роде предупреждала его об этой части беседы, верно?

– Насчет анонимности – не сказал бы, что мое лицо на Зергияре мало кто знает. Я... давайте сначала дождемся предварительных результатов, а?

– Ну ладно. Но вы и в самом деле подумайте, адмирал.

Доктор вышел из кабинета, чтобы проводить Джоула до самого парадного входа. Интересно, что он этим хотел ска-

зать?

И Джоул снова оказался в освещенном солнцем переулке, чувствуя себя как после п-в-перехода. Двух переходов – туда и обратно. Он тревожно уставился на свой флайер. Надо было спросить Тана, сколько длится последствие спрея, но не возвращаться же теперь снова в клинику. Он чувствовал себя полностью в здравом уме, однако это могло быть иллюзией. Возможно, небольшая прогулка ускорит метаболизацию, как для любого опьяняющего вещества. Он повернулся и направился в сторону главной улицы.

Ему запоздало вспомнилось, как Корделия несколько раз упоминала, что она сама родилась из репликатора на высокотехнологической Колонии Бета. А значит, ее отец, бывший тогда лейтенантом Бетанского астроэкспедиционного корпуса, Майлз Марк Нейсмит тоже пережил в свое время точно такой же опыт, как сейчас Джоул. А ее мать – женский эквивалент, предположил Джоул, хотя женский вариант, наверное, скорее чисто медицинский. Более инвазивный, как он смутно догадывался, но женщинам хотя бы не приходится принуждать к сотрудничеству свое либидо. Интересно, так лучше или хуже? С другой стороны, у них в итоге получилась Корделия. Это... вышло удачно.

Как бы то ни было, сам Джоул пока еще пребывал на стадии обработки данных. Окончательное решение будет принято не раньше чем завтра, а может, и намного позже, если он предпочтет заморозить образцы. Точка невозврата еще не

пройдена.

Он обогнал прогуливавшуюся по тротуару молодую колониальную семью; женщина толкала коляску с орущим младенцем, мужчина нес в «кенгуру» спящего малыша – слабые ручонки безвольно лежали у отца на футболке. У Джоула мелькнул вопрос, какой смысл избегать вынашивания детей в течение девяти месяцев беременности, зато потом, когда они вырвутся на волю и станут более тяжелыми, наоборот, таскать их на себе, но, раз люди так поступают, значит, им это нравится. Он попытался вообразить себя на месте молодого отца. Мог бы это быть его сын? *Внучек*, поправила трезвая часть мозга. «Заткнись!»

Джоул обошел пожилого джентльмена, праздно ожидавшего, пока его собака завершит то, что обычно делают собаки у фонарного столба. Собака. Может, собака – это проще, нормальнее... легче объяснить. Многие прославленные военные, чьи имена остались в истории, имели прославленных домашних животных / верховых животных / любовниц / растения... ну ладно, растения – может, и нет. Хотя некоторые собратья по оружию, отслужив свои двадцать или дважды двадцать лет, с головой погружались в садоводство. Ну, а самые колоритные живые аксессуары были скорее из области мифов или плодами трудов пиар-команды. Он, Джоул, всегда путешествовал налегке.

Прогулявшись несколько кварталов, он оставил позади деловую часть Каринбурга и обнаружил, что находится пря-

мо через дорогу от так называемого Вице-королевского дворца. Название вводило в заблуждение – на самом деле это был невысокий дом, выстроенный без всякого плана. Правда, окруженный замечательным садом – подарком еще более замечательной невестки вице-королевы. Сад пышно разросся, радуя глаз обилием красок и создавая некую приватность или иллюзию оной. Над воротами все так же висела старая, написанная от руки табличка.

Изначально Вице-королевский дворец был военным модулем, что весьма удручало первого вице-короля. Его несчастные преемники сумели обойтись несколькими военными модулями, собранными в различных комбинациях. По всей длине тянулись полуукрепленные сборные дома невероятного уродства. Нынешняя вице-королева на первом году их с мужем правления приказала все это демонтировать, освободить место и начала всё с нуля – с более разумного и куда более изысканного дизайна. Казармы позади домов, в которых при жизни графа Форкосигана размещались его личные оруженосцы, теперь были преобразованы в различные вице-королевские офисы; единственный оставшийся оруженосец жил в главном здании с несколькими другими старшими слугами.

Повинуясь внезапному импульсу, Джоул пересек улицу и поздоровался с единственным стоявшим у ворот охранником – еще одно сокращение штатов со времен Эйрела. Сейчас охрана была совсем малочисленной и практически не

бросалась в глаза. Против последнего Джоул не возражал, но относительно первого не был так уж уверен, что одобряет.

Охранник, хорошо знавший Джоула, отдал честь.

– Адмирал Джоул, сэр!

– Добрый день, Фокс. Ее светлость дома – для посетителей?

– Для вас, сэр, несомненно, дома. Заходите.

Джоул побрел по извилистой подъездной аллее и почти уже собрался повернуть назад, когда заметил ряды припаркованных лимузинов, многие – с дипломатическими номерами различных планетарных консульств, базировавшихся в Каринбурге. Какая-то дипломатическая встреча? Ах, да, сегодня ведь как раз должен был состояться прием в честь нового эскобарского консула. Джоул свалил задачу представления вооруженных сил Зергияра на командующего планетной базы, чтобы дать этим двоим шанс познакомиться в менее напряженной обстановке, прежде чем им придется разбираться с извечными непредвиденными осложнениями, связанными с – ну вот, увы, абсолютно негипотетический пример – напившимися в увольнительной солдатами и галактическими туристами, слабо информированными о тонкостях барраярской культуры. Гораздо лучше встретиться в первый раз в вице-королевском саду, чем в больнице или, хуже того, в морге Каринбургской муниципальной охраны. У этих изысканных суаре было немало полезных функций.

Как обычно и бывает, невозможность поговорить с Кор-

делией лишь усилила у Джоула стремление это сделать. И он продолжил свою прогулку вокруг дома, заметив одного сотрудника СБ в форме и еще одного, который делал вид, будто выпальывает сорняки – тот, в свою очередь, заметил адмирала и вежливо кивнул. Знакомый гул голосов и звон бокалов привели его во внутренний дворик, к террасе, которая выходила в сад. Порядка сотни нарядно одетых людей разбрелись по саду с тарелочками в руках, о чем-то беседуя. Джоул помедлил, стоя с краю. По счастью, Корделия, одетая во что-то светлое и струящееся, была в поле зрения и нашла его взглядом буквально в следующее же мгновение. Она тут же отделилась от окружавших ее полудюжины гостей и направилась к гостю.

– Оливер, – с теплотой в голосе проговорила она. – Как прошел твой визит в репроцентр?

– Миссия выполнена, мэ, – ответил он, отсалютовав шутливо, но без тени насмешки. На лице ее отразилось радостное удивление. – Мне... нам надо поговорить, но, разумеется, не сейчас.

– Прием уже фактически заканчивается. Если продержишься тут где-то с полчаса, я от них потихоньку избавлюсь. Или возвращайся позже.

К несчастью, на этот вечер у него были намечены рабочие дела.

– Я не в мундире, – с сомнением сказал он.

– Ой, ну пусть эти параноидальные инопланетники полю-

буются ради разнообразия на неопасного барраярского офицера. Это расширит их кругозор.

– Это как раз нецелесообразно. В том-то и смысл наличия здесь всех нас, имперцев, чтобы сделать наши точки перехода п-в-туннелей непритягательными для незваных гостей.

Корделия усмехнулась.

– Ты прекрасно выглядишь. Прикинься паинькой. Ты это умеешь, я знаю. – Она удалилась, и к ней тут же направились несколько человек, с тайными планами или без оных.

Джоул почувствовал, как автоматически перешел в состояние дипработника, что немудрено при такой долгой практике. Первым делом он отловил в толпе своего командующего базой генерала Хайнса, который, как положено, был в зеленой парадной форме и выглядел соответственно могучим и непрístupным. В такую жару ноги в высоких сапогах наверняка жутко вспотели.

– Эй, Оливер, ты здесь! – воскликнул генерал. – Вот уж не думал, что сумеешь выбраться. Тут что-нибудь затевается? – И, с надеждой в голосе: – Я уже могу уйти?

– Нет – и нет. Я просто заглянул ненадолго. – Он обвел взглядом собравшихся, уже достигших стадии пьяного релакса. – Как тебе новый эскобарский консул?

– Вполне разумный, похоже, хотя и молодой. По крайней мере у него только один пол, благодарение Богу.

Проследив за взглядом Хайнса, Джоул увидел знакомую андрогинную фигуру бетанского консула, мило болтавшие-

го с вице-королевой. Консул Вермийон был бетанским гермафродитом, одним из тех, что были созданы на этой планете с помощью биотехнологии, двуполох... их нельзя назвать ни видом, ни расой... Джоул остановился на определении «меньшинство». Если назначение сюда герма задумывалось как культурный вызов местным барраярцам, все планы с треском провалились, весьма позабавив вице-королеву. Довольно многие из персонала консульства в Каринбурге были молодыми дипломатами, только начинавшими свою карьеру; если не облажаются на Зергияре, у них есть шанс попасть в более престижное – и менее либеральное посольство в Форбарр-Султан. Вице-королева по секрету сообщила Джоулу, что, по ее мнению, консул Вермийон, вполне возможно, станет следующим бетанским послом, который представит верительные грамоты императору Грегору – глаза ее при этом вспыхнули весельем, но слегка тревожно.

Официантка остановилась, чтобы предложить Джоулу напиток на подносе.

– Как обычно, сэр?

– Спасибо, Фрида. – Джоул отпил глоток. Газировка, лед и прочие ингредиенты из бара служили для того, чтобы придать этому напитку маскировочную окраску – он научился не пить спиртного там, где можно нарваться на дипломатическую подставу, еще когда был помощником премьер-министра, и привычка сохранилась.

– А, да, где-то тут бродит твоя девица Фориннис – да, вон

она! – Генерал Хайнс кивнул в сторону невысокой фигурки в форме женского батальона – зеленой юбке с жакетом и туфельках. В такую жару это явно было комфортнее брюк и полусапог. Фориннис робко стояла в другом конце сада, сжимая в руках нетронутый бокал с каким-то напитком. – Мне пришлось объяснять ей, что личное приглашение, которое она получила от вице-королевы в самый последний момент, гораздо важнее запланированной на сегодня рутины.

– Прекрасно. Они только недавно познакомились, буквально на ходу. Ты уже представил ее?

– Только что. Она, похоже, язык проглотила?

– Ну, Корделия ее от этого излечит – со временем. Позаботься еще, пожалуйста, чтобы она вернулась домой на базу; у меня, м-м... после этого еще намечено внеплановое совещание с вице-королевой.

Хайнс кивнул, окинув девушку оценивающим взглядом.

– Как она, с работой справляется?

Джоул пожал плечами:

– Пока все нормально. Она увлечена работой и явно набралась немного столичного лоска за время службы в Форбarr-Султане, – а может, форская кровь сказывается. – Он задумчиво помолчал. – Когда доходит до дележки ресурсов и персонала, зергиярской команде обычно всегда достаются одни остатки.

Хайнс вздохнул.

– Об этом я уже догадался.

– Право выбирать первыми всегда дают комаррианской команде, исходя из теории, что если горячая точка и возникнет, то у них, а вторым выбирает флот метрополии. Они постоянно отжимают себе лучших мужчин. Нам достаются остатки. А остатки, как выясняется, – это множество лучших *женщин*. Я б сказал, присылайте еще. – И, помолчав, благо-разумно добавил: – Нет, эту я тебе похитить не дам.

Хайнс хмыкнул, но бросил мысленно заполнять свое штатное расписание вакансий. Джоул кивнул на прощание и удалился под каким-то предлогом, чтобы дать шанс тем, кто захочет с ним пообщаться. Это зачастую был самый быстрый способ найти то, что он искал – если только искал, – неприятностей на свою голову.

– О, адмирал Джоул! – послышался сзади чей-то голос.

Джоул повернулся, изображая приветливую улыбку. К нему подошли исполняющий обязанности гражданского мэра Каринбурга и один из членов совета. Завидев это, два главных соперника мэра на предстоящих гражданских выборах тоже направились к Джоулу. Все они настороженно-фамильярно раскланялись друг с другом.

– Как я рад, что удалось вас поймать! – воскликнул мэр Йеркес. – Говорят, вы собираетесь в следующем году закрыть базу. Это правда?

– Нет, конечно, сэр, – ответил Джоул. – И кто только распускает подобные слухи – вы не знаете?

– Должно же о чем-то говорить оживление среди граждан-

ских подрядчиков, – проигнорировал Йеркес ироническую реплику.

– Не секрет, что его императорское величество дал позволение открыть вторую базу, – без запинки ответил Джоул, мысленно добавив: «Теперь, когда Генеральный штаб наконец-то сразился с ассигнованием через Совет графов». Возможно, молчаливое большинство членов Совета вспомнили боевые действия, которые несколько лет велись в Форбarr-Султане. – Для сил обороны единственной планетной базы всегда было недостаточно, не только в случае нападения, но и в случае стихийного бедствия. Покойный вице-король Форкосиган настаивал на этом расширении почти с той секунды, как нога его ступила на Зергияр. Можете не сомневаться, что его вдова увидит, как воплотятся его мечты.

– Да, но где? – вклинилась в разговор мадам Моро.

– Вопрос пока еще обсуждается. – На самом деле осталось только бросить жребий: Гридград или Новый Хассадар. Сам Джоул положил глаз на оба, но не рассчитывал получить их – во всяком случае, не одновременно. Эта информация пока держалась в секрете, чтобы ограничить взрыв финансовых спекуляций, который неизбежно последует за разглашением.

– Уж вы-то просто *должны* знать больше.

– Я бы так не сказал, мэм.

Мэр Йоркес посмотрел на него с удивлением и разочарованием. Моро и второй претендент, Кузнецов, выглядели расстроенными. Каринбургская планетарная военная ба-

за, так или иначе, все еще была крупнейшей экономической единицей региона, хотя теперь ее потихоньку вытесняли расширяющиеся правительственные учреждения и оживленный гражданский космопорт, принимающий неиссякаемый поток новых колонистов. Как бы то ни было, после еще нескольких наводящих вопросов все трое оставили его в покое, чтобы попытаться удачи с Хайнсом. Тщетные старания, но Джоул не мог их за это осуждать.

Сбоку уже стояла лейтенант Фориннис, которая засекала шефа как раз перед тем, как его окружили озабоченные кандидаты в мэры.

– Сэр, генерал Хайнс сказал, что я должна сопровождать его, сэр?..

– Совершенно верно, лейтенант.

Девушка явно успокоилась.

– Итак, что вы думаете о вице-королеве теперь, после того как у вас был шанс обменяться с ней парой слов? – весело поинтересовался Джоул.

– Она не такая пугающая, как я думала. – Впрочем, по тону Фориннис чувствовалось, что в этом она еще не до конца уверена. – Я знаю, что она уже бабушка, но для бабулениции она... похоже, слишком пофигистка?

– Да, она такая, – улыбнулся Джоул. – Жаль, что вы не познакомились с ней до того... – «До того, как половина ее света погасла».

– Не представился случай, сэр.

– Да, понимаю. – Он поглядел поверх ее форменного берета. – Тревога! К нам приближаются цетагандийцы. – Фориннис повернулась посмотреть, куда он указал кивком.

Несмотря на свой статус гем-лорда, цетагандийский консул в Каринбурге был одет по-местному, в казуальном стиле – рубашка и брюки, которые, будучи, вне всяких сомнений, удобными, каким-то образом выглядели раз в пять дороже, чем те, что носили все остальные. Атташе по культуре повезло меньше – он, подобно Хайнсу, был втиснут в мундир, абсолютно не подходящий для солнечного дня: темный, с тяжелой накидкой. Тоже гем, с официальной раскраской своего клана на лице: синие и зеленые загогулины, причудливо оттененные золотом, придавали ему несколько подводный вид. Менее важный гем на менее важном приеме традиционно обошелся бы в такой день маленькой цветной наклейкой на скуле, как, собственно, и сделал сам консул, соответственно своей одежде. Расфуфыренный атташе – либо робкий новичок, либо почему-то не был информирован своим начальством, что довольно странно. Консул, который наконец заметил появление Джоула, сказал что-то на ухо своему подчиненному и направился в его сторону.

Пока парочка гем-лордов украдкой пробиралась к нему, лавируя среди гостей, Джоул прокрутил перед мысленным взором текущую диспозицию всех передвижений около планеты, но на момент утреннего доклада все было тихо и рутинно. У мультискачкового маршрута, ведущего через по-

следовательность п-в-туннелей к ближайшему из восьми основных миров Цетагандийской империи, Ро Кита, была своя станция на пути между Комаррой и Зергияром, причем ближе к первой. Следовательно, имелась возможность сократить маршрут и Барраярской Империи – с Зергияра и всего, что находится дальше по ту сторону. Потому-то команда Комарры удерживала в военном отношении точки перехода для нескольких пустых систем, а на примерно трех четвертях пути уже действовала Ро-Китянская команда, делая то же самое со своей стороны.

Последняя открыто враждебная переброска сил, которую предприняли цетагандийцы на этой четверти, произошла больше сорока лет назад, на втором году регентства Эйрела при малолетнем императоре Грегоре. Сразу после Мятежа Фордариана – попытки дворцового переворота на Барраяре, чуть было не свергнувшего новое, еще не утвердившееся, правительство Эйрела, – Цетаганда захотела оттяпать у Барраяра завоеванную Комарру и недавно открытый Зергияр. Ударным силам цетагандийцев так и не удалось этого сделать, используя последовательность п-в-туннелей, упорно удерживаемых Барраярским адмиралом Канзианом, которого вскоре поддержало подкрепление, прибывшее во главе с самим Эйрелом. Когда Эйрел вернулся домой, его встречали как героя, хотя полный триумф был несколько подпорчен очередным восстанием на Комарре.

Эйрел считал, что все три события, которые произошли

одновременно, были частью цетагандийского плана. Такая лавина могла сокрушить даже его, но мятеж закончился внезапно, за много месяцев до предполагаемых сроков, и взбунтовавшиеся комарриане, чья программа не включала в себя замену барраярской оккупации на цетагандийскую, хоть и готовы были принять помощь, не смогли прийти к единому мнению и упустили время. Таким образом, Эйрелу пришлось справляться с каждым кризисом по отдельности, а не со всеми разом. Это продолжалось несколько адовых лет, прикинул Джоул. Но Цетаганда больше не пыталась использовать *тот* маршрут.

А личная трагедия Эйрела и Корделии с их покалеченным солтоксинам сынишкой Майлзом проходила через все это постоянным контрапунктом, что сейчас по-новому осознал Джоул. Собственная перспектива стать отцом сделала эту мысль менее отстраненной и более тревожной.

– О, адмирал Джоул, как я рад вас здесь видеть! – сказал цетагандийский консул, второразрядный гем-лорд по имени гем Невитт. – Могу ли я воспользоваться этой возможностью, чтобы представить вам нашего нового культурного атташе Микоса гем Сорена?

Джоул обменялся приветствиями с молодым сотрудником, который уставился на его повседневный гражданский костюм с некоторым сомнением, деликатно переданном легким наклоном тела. Джоул, в свою очередь, представил лейтенанта Фориннис, взирающую на высокого гем-лорда с хо-

лодным сомнением кошки, которой предлагают подружиться с собакой. Ответный строго отмеренный полупоклон гема был почти столь же сомнителен. У цетагандийских военных тоже была женская вспомогательная служба с собственными давними традициями, но почти все, кто там служил, были генмодифицированные цетагандийки незначительного происхождения.

Форы – исторически сложившаяся каста воинов. Гемы – тоже, но они имели более сложное социальное происхождение: полупростолюдины-полуауты, нечто среднее, лучше первых, но недотягивающее до вторых. Этот эндогенный комплекс неполноценности вызывал у гемов нервическую реакцию по поводу статуса. У форов как класса тоже были свои психические травмы, по мнению Джоула, преимущественно нанесенные себе самостоятельно, но тайных страхов генетической бездарности среди них, как правило, не было.

Возраст гема Сорена трудно было на глаз определить из-за раскраса на лице и цетагандийских ген-модификаций, но Джоул имел преимущество – досье СБ, присланное ему на прошлой неделе, включало в себя стандартную оценку всех подобных рубрик. Аггаше было тридцать лет, молодой для своего положения среди цетагандийцев-долгожителей. Карьерист? «Глупый вопрос». Раз он гем-лорд, то, конечно, честолюбив.

– Добро пожаловать на Зергияр, лорд гем Сорен. Надеюсь, вы найдете это назначение приятным.

– Благодарю вас, сэр. Единственное, о чем я сожалею, – это что меня назначили сюда слишком поздно, чтобы познакомиться с легендарным адмиралом Форкосиганом.

Джоул вежливо кивнул:

– Знакомство с ним было честью.

– Вашему императору должно очень не хватать его и его стратегических познаний.

После смерти Эйрела Джоулу уже десятки раз приходилось вести подобные, несколько провокационные, беседы со многими галактическими наблюдателями.

– Его не хватает, это действительно так, но в том, что касается его познаний как стратега... Он был не только великим человеком, но и великим учителем и передал многим молодым барраярцам свою проницательность и навыки. Адмирал Форкосиган более двадцати лет был моим наставником, и я могу засвидетельствовать это из личного опыта. – «Расшифруй-ка, что я имел в виду, ты, цетагандийский щенок! В вооруженных силах не много найдется офицеров, более пропитанных эйреловской выучкой, чем я, а я стою на страже на вашем выходе п-в-туннеля, так-то вот. Даже и не думайте пытаться!» – И, разумеется, я по-прежнему пользуюсь преимуществами огромного опыта и мудрости вице-королевы Форкосиган, – плавно продолжил Джоул. – Мы сотрудничаем очень плотно. Думаю, вы найдете свое путешествие сюда, на Зергияр под ее эгидой, весьма поучительным во многих аспектах.

– Буду на это надеяться, сэр. – Гем Сорен огляделся по сторонам. – Ее сад почти достоин работы наших гем-леди.

«Он лучше, гем-мальчишка, и ты сам это знаешь». Цетагандийцы сделали искусство аренной генетических сражений, превратив его скорее в вид спорта – или войну.

– Как мило с вашей стороны, что вы это отметили. Конечно же, этот сад для нее – источник наслаждения. Непременно ей это скажите. Это удивит ее в высшей степени. – Джоул с фальшивой любезностью поднял палец. – О... боюсь, у вас краска на лице потекла, милорд. Здешняя температура немилосердна к парадной одежде. Возможно, вы хотите заскочить в туалет и подправить узор, пока вице-королева этого не увидела, хотя она, разумеется, никогда ни слова не скажет...

К удивлению Джоула, молодой гем вздрогнул и поднял руку к своему раскрашенному лицу. У Фориннис лишь чуточку расширились глаза – да, она прекрасно умеет скрывать эмоции. Консул, высмотрев на другом конце сада вице-королеву, которая как раз осталась одна, искусно завершил беседу парой избитых дипломатических фраз и отбуксировал за собой новоиспеченного помощника.

– Ни разу еще не встречалась с гем-лордом нос к носу, а уж тем более в полном раскрасе, – заметила Фориннис. – Хотя и видела некоторых на улицах Форбарр-Султана, в окрестностях посольского квартала.

Джоул улыбнулся.

– Мелкие любезные критические замечания, сделанные тоном ласкового участия, обычно служат тому, чтобы противостоять худшим проявлениям их прирожденной наглости.

– Я поняла, сэр.

– Если подобной удачной возможности не предоставится вообще, – добавил он после недолгого размышления, – то почти так же может сработать восхваление превосходства аутов, которым никакому гему никогда не стать.

Оба они отследили краем глаза, как гем Сорен осторожно прокрался по саду к гостевой уборной – маленькой будочке, чьи прозаические функции были закамуфлированы хорошо продуманным буйством растений и лиан.

Фориннис слегка скривила губки.

– А упоминания побед барраярцев над гемами тоже могут сработать?

– Да, но только очень деликатно. Намеком. В команде адмирала Форкосигана нам, разумеется, ни разу не приходилось заявлять это во всеулышание.

– Деликатнее, по-моему, просто невозможно.

– В те времена оно, конечно, работало. – «Хотя теперь нам придется найти что-то еще».

Несмотря на тысячи песен и легенд о молодых женщинах, выдававших себя юношей и идущих в бой вслед за своими братьями/возлюбленными/мужьями или чтобы отомстить, форессы исторически не были воинами. Некоторые из этих историй даже были подлинными – правда обычно

выяснялась в тогдашних походных лазаретах или моргах. Завершение Периода Изоляции и официальное введение медосмотров по всем галактическим правилам положило той эпохе конец.

Форессам чаще воздавали хвалу как матерям воинов, но в отдельных случаях они, бывало, и воевали. Например, когда оставленные дома фор-леди были вынуждены героически защитить сторожевую башню или трагически погибнуть. В самый разгар Кровавых Веков прославилась знаменитая графиня Фориннис, которая насмеялась над осаждавшими, державшими в заложниках ее детей. Стоя на зубчатых стенах, потрясая своими юбками и наклоняясь, чтобы продемонстрировать врагам свой зад, графиня кричала, что они могут хоть наизнанку вывернуться, а она еще детей займет оттуда же, откуда и те! Осада провалилась, и дети выжили, но Джоул не мог удержаться от мысли, что семейные хроники того поколения, должно быть, лукавили в своих свидетельствах с безопасного расстояния. Надо бы спросить на днях нынешнюю Фориннис, не является ли она прямым потомком.

Толпа гостей наконец-то стала редеть. «Да! Все, черт подери, разъезжаются! Теперь мне нужна вице-королева!» Отослав Фориннис обратно к Хайнсу, Джоул потягивал очередной фальшивый коктейль и пытался сдержать нервную дрожь в ожидании своего шанса.

Глава третья

Дипломатический прием, казалось, слишком уж затянулся, но наконец Корделия смогла поручить своим личным помощникам нелегкую задачу – ненавязчиво выпроводить самых нетрезвых не слишком важных персон. Вышколенная домашняя прислуга уже готовилась приступить к уборке.

Закончив с делами, она пригласила Оливера следовать за ней. Когда Джоул столь неожиданно появился на подъездной аллее, он выглядел таким же статным и невозмутимым, как и всегда, но легкий отблеск паники в голубых глазах почему-то вызывал ассоциации с кошкой, по неосторожности угодившей в центрифугу. Корделия привела его в сад, в свой любимый уединенный уголок, осуществила визуальную проверку на предмет заблудившихся дипломатов, и, рухнув на удобный шезлонг, сбросила туфли и громко выдохнула.

– Какое счастье, что всё закончилось. О, мои ноги.

Оливер, улыбаясь, уселся рядом на плетеном стуле.

– Помню, как Эйрел обычно массировал их тебе после таких испытаний.

– Да. – Корделия вздохнула, погрузившись на миг в воспоминания, которые причиняли боль, но не слишком острую. С внезапно вспыхнувшей надеждой она подняла глаза, но за этим наблюдением со стороны Джоула не последовало, скажем так, предложения сделать то же самое. Ну что ж... Она

устроилась поудобнее, скрестила ноги, и размассировала себе стопы сама.

– Я видела, как ты дефилировал по саду, – спасибо, – продолжила она. – И какие успехи на этом приеме? Стоит ли обыскать твои карманы на предмет ключей от гостиничного номера, любовных записок на салфетках или дамского нижнего белья? – В былые времена, когда Джоул был красавцем-адъютантом Эйрела, карманы его кителя таили в себе после подобных событий пикантные сюрпризы, даже когда он клялся, что к нему никто на расстояние вытянутой руки не приближался.

– Таинственное дамское белье было только один раз, – запротестовал он весело-негодующе. И после минутного раздумья добавил: – Ладно, два раза, но это было в баре на Тау Кита, и мы все были пьяные. И оба раза так и осталось загадкой – могли бы хоть написать свой ком-код на трусиках или еще где. Они что, ждали, что я буду искать их, как Золушек? – Он изобразил, будто держит в поднятой руке тоненькие бикини, заглядывая всем в глаза с робкой надеждой собаки, потерявшей хозяина.

Корделия звонко рассмеялась.

– Надо было пустить по следу эсбэшников, зачем же самому утруждаться?

– Эсбэшники и так получали в руки все, что я не мог точно идентифицировать. Иногда мне казалось, что я мог бы разоблачить блестящего цетагандийского шпиона, плетуше-

го подлый заговор, но каждый раз все оказывалось совсем неинтересно.

Корделия ехидно усмехнулась.

– Ну что ж, ничего не поделаешь, – вздохнула она, поудобнее устраиваясь в шезлонге. – И как получилось пообщаться с доктором Таном?

Джоул пожал плечами:

– Он был жутко вежливый. И восторженный. И ужасающе бетанский.

– Это его достоинство или недостаток?

– Просто манера поведения. Это был... более странный опыт, чем я ожидал. – Он, похоже, собирался сказать что-то еще, но затем покачал головой и явно сменил курс. – Я оставил ему то, что он упорно именовал моим *образцом*. Как будто мои гонады – это форма для выпечки. Следующий шаг, если только все мои гаметы не никчемны... ну, следующий шаг, похоже, предстоит очень скоро.

– Ты знаешь, как это будет?

– Более или менее. Ну, то есть вопрос-то я знаю, а вот ответ... Я должен решить, что делать: либо сейчас просто заморозить образец и отложить все на потом, либо сразу приступить к оплодотворению. А это, в свою очередь, влечет за собой следующий вопрос: заморозить ли все зиготы – эмбрионы? – или запустить какой-то один. Или, например, больше чем один.

– Майлз, когда рассматривал эту технологию для моих

будущих внуков, хотел начать сразу с двенадцати, одновременно. Полагаю, чтобы вырастить свой собственный взвод. Я предложила по очереди с Катрионой окунать его головой в воду, пока не одумается, но, как выяснилось, она не нуждалась в моей помощи. Замечательная девочка моя невестка. До сих пор не могу понять, что он такого сделал, чтобы ее заслужить.

Оливер сдавленно всхрюкнул.

– Зная Майлза... могу себе представить. Но нет, никаких взводов Джоула. Ни взводов, ни даже команды.

– Ты мог бы нанять помощницу. Я это точно планирую сделать.

– Придется, наверное. Не представляю, как еще... Ты ведь не запускаешь всех своих шесть девочек сразу, а?

– Нет-нет! Я изучала оптимальное семейное распределение по возрасту. Насколько я понимаю, какого-то одного варианта тут нет. Точнее, вариантов несколько, в зависимости от того, кто что хочет.

– Когда ты решишь?

– Уже решила, по крайней мере на первом шаге. Я сказала Тану начать все шесть оплодотворений. Фактически процесс уже запущен. Еще несколько дней, чтобы завершить перекрестный контроль относительно генетических дефектов и провести все необходимые коррекции, и потом пять пойдут в морозилку, а шестая в духовку, так сказать. И через девять месяцев Аурелия станет... моей проблемой. – Она неуверен-

но улыбнулась. – Это чуточку пугает, но на самом деле с ней вряд ли будет больше хлопот, чем было с Майлзом.

Оливер иронически кивнул, признавая ее правоту.

– Чем больше я узнаю про твой первый год на Барраяре, тем сильнее удивляюсь, что ты вообще там осталась.

– Я не могла вернуться на Бету. Тогда, сразу после войны с Эскобаром, я практически полностью сожгла все мосты. Но да... Меньше чем за восемнадцать месяцев до этого я познакомилась с Эйрелом – *здесь*, прямо на этой планете, которую я открыла, и которая должна была бы сразу стать бетанской колонией, если б ваши вояки не оказались тут на год раньше. Я помогла им подавить военный мятеж, сбежала, а когда вернулась домой, меня тут же отправили напрямик на войну *против* Барраяра, я попала в плен, снова вернулась домой, *уехала* из дома – сбежала, точнее сказать. Отыскала Эйрела, вышла за него замуж, мы оба планировали идиллическое существование – уединиться в сельской местности и завести кучу детей. И я – сдуру, не иначе, – с головой окунулась в свою первую и единственную беременность. А потом император Эзар зашвырнул его – нас обоих – в это чертово регентство. Потом было первое покушение – я тебе об этом когда-нибудь рассказывала? Акустическая граната. Они промахнулись. И второе – тоже неудавшееся – солтоксиновая газовая граната. Это была катастрофа. Потом экстренное кесарево сечение, и Майлза запихнули в трофейный маточный репликатор. У хирурга не было совершенно никакого опыта

– готова поклясться, этот человек боялся еще больше, чем я. А потом мятеж Фордариана, и весь *тот* бардак. Наконец, весной мы вынули Майлза из репликатора, такого покалеченного, бедный малыш, и конечно, старый граф Петер взорвался, как очередная граната. Дальше последовала жуткая борьба из-за этого с Эйрелом, и всё это привело к тому, что они потом пять лет вообще друг с другом не разговаривали, и... это был мой первый год на Барраяре, да. Неудивительно, что я измоталась вконец. – Она откинулась на спинку шезлонга и громко выдохнула. – Но когда я прилетела к Эйрелу, у меня были свои тайные, коварные эгоистические планы. Мы с ним собирались родить шестерых детей. На Бете, с ее строгим контролем численности населения, это было бы жутко асоциально. Он всегда был... Эйрел всегда знал, конечно. Что это было моей мечтой, разрушенной теми событиями. И сожалел, что он не мог – дать мне то, от чего пришлось отказаться. Вот почему мы и заморозили гаметы, когда у нас появилась короткая передышка.

– Значит, он всегда планировал подарить тебе еще детей.

– Я бы скорее сказала, надеялся. К тому времени мы оба в значительной степени разочаровались в планировании. Это никогда не удавалось. – Она прикрыла глаза. – До сих пор еще не удавалось ни разу. И все же... мы здесь. Сорок лет спустя. Но *здесь*, черт подери! – Она провела рукой по непослушным волосам. – Итак, что ты хочешь? Действительно хочешь, а не просто считаешь наиболее разумным. Или хуже

того, считаешь, что этого хочу я.

– Я думаю, что... – Оливер снова замялся, а потом продолжил: – Я думаю, что хочу бросить свой генетический жребий, как ты выразилась. Продолжить сборку и оплодотворение, для всех клеток.

– Ставишь на карту свою заявку на будущее?

– Хорошо хотя бы перейти на следующую стадию мучительных сомнений, какое решение принять. Я уже устал от этого. Или если окажется, что это не получится... – И замолчал, так и не завершив фразу.

Он хотел сказать: «Поставить точку»?

– У тебя все равно останется выбор. Можно приобрести какие-нибудь другие безъядерные клетки. Кроме того, существует несколько альтернативных методов, чтобы собрать зиготы, – чуть более хитрых.

Он потер лоб.

– Об этом я не подумал. Всё это становится всё сложнее и сложнее...

– Не до бесконечности. Во всяком случае, появление реальных детей заменяет теорию практикой. И времени, чтобы терзаться из-за... тут порой и дышать не успеваешь.

– Это опыт говорит?

– База данных которого не дает мне, увы, безусловной компетентности. Факт, который должен заставить меня задуматься, но с ожиданием я уже покончила.

Послышались легкие шаги, и из-за кустов появилась Фри-

да.

– Вам что-нибудь принести, миледи? Сэр?

Корделия быстро прикинула в уме.

– Настоящее вино, я думаю. Не яблочный сок и не воду. Бокал белого, если еще не все выпили. Оливер?

– Мне как обычно, Фрида. – Служанка, кивнув, удалилась. Поймав недоуменный взгляд Корделии, он пояснил: – Мне еще вечером на службу. Хотя больше всего на свете мне хотелось бы сидеть тут с тобой и напиваться до полуночи. Это, увы, единственное, что дает *иллюзию* решения проблем.

– Я не хотела создавать тебе проблемы, Оливер, – виновато проговорила она. – Хотела сделать тебе подарок.

– Ты прекрасно знала, что делаешь, – фыркнул он.

Она лишь вздохнула и пожала плечами.

– Ну, так или иначе, дальше возникает такой вопрос. Если ты скажешь Тану приступить к оплодотворению, то, перед тем как вновь ступить на борт катера и отправиться на очередную космическую вахту, тебе придется сесть и написать распоряжение относительно наследников. Или распоряжение об уничтожении. Тан выдаст тебе соответствующие формы – клиника приобщает их к делу для каждой зиготы, которая у них находится.

– Распоряжение... о чем?

– Зиготы – в отличие от гамет – являются юридическими лицами. Гаметы – это имущество, часть твоего тела, с которыми случилось так, что они уже в нем не находятся. Зиготы

– это неизбежный судебный процесс. Проблемы наследования, видишь ли. С момента оплодотворения, даже если ты решишь заморозить их все – но *особенно*, если решишь запустить одну в репликатор, – кто-то должен знать, где твои дети или потенциальные дети закончат, если ты погибнешь во вспышке света, или поскользнешься в душе, или еще что-нибудь, не важно что.

Оливер нахмурился.

– Ты мне как-то рассказывала, что твой отец погиб при крушении катера. Это не просто случайный пример, Корделия?

– Я по-прежнему летаю на катерах, – пожала плечами она.

– Я... гм. Нет, я, признаюсь, не заходил так далеко в своих мыслях. А кого выбрала ты? Майлза, надо полагать?

– По умолчанию – да. Но и с определенной целью тоже. Я не вполне этим довольна – если бы я хотела, чтобы мои девочки воспитывались на Барраяре, я сделала бы это там, а не здесь. Мне следует добавить – если ты не удосужишься сделать надлежащее распоряжение, их опекуном по умолчанию должен стать любой твой ближайший родственник. А это кто?

Он выглядел скорее озадаченным.

– Мать, наверное. Или старший брат.

– А ты можешь себе представить, как они воспитывают твоих сироток-детей?

– Моих? Может быть. С большой натяжкой. Эйрела... –

Лицо его скривилось в какой-то непонятной гримасе. – Если бы у меня был традиционный барраярский брак, с детьми, тогда... хотя нет. Возможно, пришлось бы обратиться за поддержкой к семье моей гипотетической жены. Хм.

Корделия потеряла глаза ладонями.

– Тогда позволь задать тебе другой вопрос. Где ты думаешь – думал – продолжить свою карьеру в ближайшие десять лет? Куда ты собираешься?

Он вскинул брови и осторожно проговорил:

– Из всех твоих слов – я верно понял, что ты нацелилась уйти на покой и остаться на Зергияре? Хочешь поселиться здесь насовсем?

– Эта планета – моя... Понимаешь, все это – новые мысли, с тех пор, как моя жизнь раскололась надвое три года назад. Прежде... прежде я планировала вернуться на Барраяр, в округ Форкосиганов, вместе с Эйрелом, когда он наконец выйдет на пенсию, и вместе с ним встретить старость – с хорошей медициной на галактическом уровне. Его отец – крепкий старикан, ему было за 90, так он даже в свои последние годы обходился почти без врачей и лекарств. В общем, я думала, что Эйрел, с его новым сердцем и всё такое, что он, естественно, проживет дольше. Хотя бы до ста десяти. А потом, после того как лопнул этот проклятый сосуд в головном мозге, все эти двадцать шесть лет, на которые я рассчитывала, исчезли. – Она резко пожала плечами. – Планы. От них никогда никакого толку.

Его рука потянулась было к ней, но застыла на полпути.

– Да.

Он молчал довольно долго. Вернулась Фрида, принесла каждому свой бокал и снова удалилась, с любопытством оглядываясь через плечо.

– Через десять лет закончатся мои дважды двадцать, – наконец заговорил он. – Третьи двадцать лет службы я все равно для себя не планировал. Собирался после этого подумать об отставке, о другой карьере, безотносительно всего остального, – ну, может, еще лет шесть-семь. *Где* я могу оказаться потом... ну, сейчас я на военной службе. Не все от меня зависит. Как ты только что заметила, от меня не зависит даже то, буду ли я жив завтра.

Она отвела взгляд.

– Эйрел как-то раз говорил о том, чтобы предложить тебе работу в его округе, после того как мы вернемся домой. Хороших вариантов несколько – тебе решать, что лучше. У него, видишь ли, были свои планы.

– Да... – Оливер отпил глоток своего безалкогольного коктейля. – Наверное, я бы на это пошел. – Он еще немного помолчал. – На Барраяре у меня нет никаких личных привязок. Мы с семьей были когда-то очень близки, но с тех пор как я в восемнадцать лет уехал учиться в академию, стали все больше отдаляться друг от друга. Им всегда было достаточно моего родного города. Это... это было не для меня. Мой отец умер – ты помнишь – как раз перед тем, как меня

назначили на Зергияр. Мама долгие годы жила с моей сестрой. Мой округ развивается – в прошлый раз, когда я туда приезжал, все, что я хранил в памяти со времен детства, – изменилось, все перестроено. Исчезло. Зергияр... пожалуй, это и впрямь начинает казаться мне неплохим вариантом. – Он посмотрел на нее своими ясными глазами. – А ты согласилась бы стать для меня в этом крестной матерью? Потому что... они тогда были бы хотя бы со своими полуродными сестрами. Даже чуть больше, чем полуродными.

– Согласна безоговорочно, – заверила она. – Учти, что центр потребует еще несколько запасных вариантов, в порядке убывания предпочтительности, так что не следует сразу исключать всех твоих близких родственников.

– В этом распоряжении можно будет потом что-то изменить?

– О, да. Предполагается, что ты будешь пересматривать его ежегодно.

– Гм. Вполне разумно.

Она сделала очередной глоток вина, поставила бокал на столик и принялась барабанить пальцами по подлокотнику.

– Если бы ты... если ты вдруг надумаешь остаться после увольнения на Зергияре – ты согласился бы сделать это на взаимной основе?

Он поднял на нее потрясенный взгляд.

– Как, перед Майлзом?

– Перед Барраяром, по крайней мере.

Он поджал губы.

– Но... это означало бы, что тебя уже нет в живых. Я не могу... этого не будет... мне трудно даже предположить такое. – Лицо его омрачилось. Он внезапно сморгнул. – Погоди... Ты ведь сейчас говоришь не только о замороженных эмбрионах.

– Не только. Не позднее следующей недели процесс будет запущен.

Он выдохнул.

– Это, возможно, самая ужасающая обязанность, которую мне когда-либо предлагали. Не исключая командования кораблем или роли единственного человека, который стоит между премьер-министром и всем, что может в него попасть. – Он снова пару раз моргнул. – Это чертовски лестно, конечно, но... Корделия, ты что, рехнулась?

– Кто знает? – криво усмехнулась она. – Заметь, это пока еще гипотетически.

– Заметил. Но все же... – Он не договорил. Бросил взгляд на часы, нахмурился. – Черт! Мне пора. Я еще должен вернуться на базу и переодеться. Кто знал, когда я записывался в космические силы, что придется тратить столько времени на борьбу с подрядчиками? Килотонны бетона. Но мои катера должны где-то приземляться. – Джоул допил свой коктейль и встал, глядя на нее, устало откинувшуюся на спинку шезлонга. – Корделия... – Он замялся.

– А?

Он сглотнул комок в горле и вдруг выпалил:

– А ты не хочешь как-нибудь покататься со мной на паруснике?

Она, похоже, удивилась. Эйрел учил его ходить под парусами и наслаждаться спортом, когда Джоулу было чуть больше двадцати. На самом деле она предпочитала ходить под парусом с Джоулом, поскольку с ним было меньше вероятности, что дело закончится незапланированным заплывом из-за кое-чьей дурной привычки нарываться на неприятности. От этих воспоминаний у нее пресеклось дыхание.

Корделия сморгнула непрошеные слезы.

– Я не была на воде с тех пор... целую вечность. Мне бы это понравилось. Думаю, мне удастся найти «окно», да. – Она растерянно замолчала. – Постой. А разве ты не говорил, что продал свою лодку в прошлом году?

– Я что-нибудь найду. Если ты сумеешь урвать время.

– Ради этого я его долотом выбью. Звучит восхитительно. Правда отлично! – Она побарахталась на шезлонге и протянула руку. – Помоги мне встать, – приказала она.

У Джоула на лице мелькнуло какое-то странное выражение, но он наклонился, ухватил ее за руку и деликатно потянул вверх. Утвердившись на ногах, она отыскала туфли и вместе с ним направилась к дому, где они и расстались. «Ты туда, мы сюда». Но не надолго, с приятностью подумала она.

Прошло еще три дня, прежде чем у Джоула появилось время поболтать с вице-королевой. Он заманил ее на базу предложением поужинать за общим столом с офицерами: никаких сладостей и некий шанс хоть ненадолго забыть про все эти комаррианские напряжения. Во всяком случае, когда он вел ее по взлетно-посадочной полосе в дальний конец базы, и оба они шурились на закатное солнце, Корделия все еще распространялась об этой проблеме.

– Что-нибудь, что затронуло бы мой участок? – поинтересовался он, когда они преодолевали край взлетной полосы. Вдалеке вогнутый склон горы, казалось, дрожал в раскаленном воздухе.

– Не прямо. Дело обычное – они хотят учредить экстра-планетарные акции с правом голоса для людей, делающих особые материальные или инвестиционные вклады в развитие колонии, точно так же, как у них в их куполах. И как выяснилось, по странному совпадению этими людьми оказались они сами. Мое контрпредложение, чтобы мы просто предоставили каждому по десять неотчуждаемых акций с правом голоса, переместив десятичную запятую, было отклонено моими советниками на том основании, что они воспримут это как издевательство с моей стороны. Коим оно и являлось. И все-таки я бы предпочла пустить под откос лю-

бое движение в сторону референдума прежде, чем оно сдвинется с места.

– Но ведь позволить референдум было бы абсолютно безопасно. Все, кто не из их числа, проголосовали бы против, разве нет?

– Возможно, и нет. Достаточно многих оптимистов могла бы поколебать статистически маловероятная идея, что как раз они-то и окажутся в числе тех немногих, кто получит выгоду, и тогда они с этим согласятся. Пойми же, никто не срывается с места и не едет на Зергияр, чтобы взяться за работу, которая здесь есть, без определенного врожденного оптимизма. – Когда они прошли еще немного вперед, она добавила: – Разве что, кроме наших барраярских русскоговорящих, которые, естественно, постоянно мрачны, насколько я могу судить.

Джоул нахмурился.

– Думаю, я могу тебе обещать, что субъекты твоих экспериментов по нарождающейся местной демократии не будут преследовать тебя на моей Имперской базе.

Они уже почти дошли до места назначения.

– Наверняка ведь врешь, но мне без разницы... – Она вдруг замолчала, недоуменно озираясь по сторонам.

– И что ты здесь видишь, Корделия? – Джоул обвел рукой кучи мешков двухметровой высоты напротив них.

Мешки были уложены на грузовых платформах, их ряды простирались на десятки метров во все стороны – похоже на

крупномасштабную модель некоей геологической аномалии: бесплодные земли, усеянные столовыми горами и прорезанные ущельями, разве что более ровные. Совершив несколько зигзагообразных маневров, Джоул привел ее в центр лабиринта.

– Много-много мешков, набитых всяким хламом. Не принадлежащим мне, хочу благо разумно отметить. Поставленным подрядчиком на месяц раньше – одно это должно было бы уже меня насторожить...

– Подрядчиком, раньше? Что, правда? Твой рассказ начинает слегка напоминать алкогольный бред.

Он мрачно кивнул.

– А я еще даже не начинал пить. Это должно было стать бетонным покрытием для новых взлетно-посадочных полос на второй базе в... Уже решили с названием?

– В Гридграде. – Она сморщила носик. – После того, как всё станет известно, жители, наверное, захотят дать своей деревне новое название, но это, по счастью, будет уже не моя проблема. Если только они не попытаются назвать деревню в честь Эйрела и не заставят меня выйти и произнести, на хрен, очередную речь.

Удачное расположение – почти на экваторе, как Каринбург, что ведет к увеличению полезной мощности катеров, стартующих на орбиту. Джоул был удовлетворен. По крайней мере в этом аспекте. Тот факт, что место находилось в одной десятой длины экватора...

– Гридград от нас довольно далеко. И с точки зрения времени, и с точки зрения расстояния. Предварительное проектирование для начала прокладки взлетно-посадочной полосы будет не раньше чем через год. Полтора года, реалистично.

– И все-таки я не могу понять, что тут не так. Бетонную смесь должны ведь рано или поздно туда перетащить, нет? – Она с сомнением ткнула пальцем набитый мешок. – Если только кто-нибудь не запустит со дня на день новый завод по изготовлению материалов в Гридграде, но я такой заявки у себя на столе еще не видела. Хотя полагаю, со временем она появится.

Джоул покачал головой.

– Это последние инновации в области стройматериалов на основе высоких технологий. Бетон очень прочный после укладки, но при этом пластичный при повторной значительной ударной нагрузке – например, при приземлении катера. Позволяет инженерам наполовину снизить вес и объем, а следовательно, и стоимость – даже при более высокой цене за тонну. За тысячу тонн в данном случае.

Корделия глядела на него, вскинув брови, – как всегда, когда была чем-то озадачена.

– Это пластобетон. Он хранится веками, верно? И я бы не сказала, что ты страдаешь из-за того, что он занимает много места. Если понадобится, у тебя тут квадратные километры пустой базы, зарезервированные императорским указом

для будущих казарм и взлетно-посадочных полос. Хотя мне, вероятно, следует предупредить тебя, что некоторые каринбургские застройщики уже начинают жадно на них поглядывать.

– Хранится-то он хранится, но только после того, как его перемешают и смонтируют. – Джоул снова обвел рукой горы мешков. – Ты упустила еще несколько слов: «последние», «инновации» и «на основе высоких технологий». Компоненты обычного пластобетона, изготовленного по старинке, действительно на удивление долговечны. А вот это дерьмо – оно прекрасное, пока свежее, но если его вовремя не смешать с соответствующим активатором и не пустить в работу до окончания срока годности, то в нем начинают происходить необратимые химические процессы, и оно попросту портится. А срока годности у него осталось уже меньше года. Понятия не имею, сколько времени оно валялось на складе у производителя, но сколько-то валялось, это точно.

– Пластобетон с запланированным устареванием, – проговорила она с ироническим восхищением. – Кто ж знал?

– Офицер-квартирмейстер явно не знал – увы. И на прошлой неделе разрешил завезти это на территорию базы. Возможно, его испугало такое количество грузовиков, заблокировавших центральные ворота. В общем, он расписался за приемку груза, не связавшись предварительно с инженерами. А самая первая проблема, разумеется, в том, что это вообще никто не предполагал доставлять именно сюда, скорее

уж в Гридград – после того, как всё рассекретят.

– То есть они не только сбросили залежалый товар, но еще и вводят в дополнительные расходы по его доставке. Прекрасно.

– Плюс еще бухгалтерский отдел базы, который тоже ничего не согласовал с инженерами, а просто-напросто вышел сюда и посчитал мешки, чтобы проверить, соответствует ли их количество указанному в документах, а посчитав – быстро оплатил счет. Прямо-таки беспрецедентный пик эффективности!

– Неприятный сбой, но, конечно, вполне исправимо. Одно то, что они доставили не по тому адресу, уже дает тебе веское юридическое основание. Заставь их приехать, забрать это все и возместить тебе кредит. Эйрел бы так и сделал.

– Эйрел пригрозил бы, что заставить их это съесть – и они бы ему поверили. – Джоул на пару секунд замолчал, с завистью вспоминая умение Эйрела отдавать приказы. Сам он так никогда не сможет. Вся шутка состояла в том, что Эйрел не шутил. – Я это уже сделал. Ну, только без «заставить съесть». Они утверждают, что такой шаг их полностью обанкротит – и лишит возможности заниматься поставками в следующем году. А других поставщиков больше нет – не на такие объемы. Я послал одного из самых моих сообразительных ребят, снабженца, проверить, так ли это на самом деле, и он говорит, что это правда.

Корделия нахмурилась.

– Эти типы – «Плас-Дэн», так? Мне казалось, у них хватило бы ума не ссать в ведро, из которого хотят напиться.

Джоул ухмыльнулся на старую Эйрелову присказку о политике. Жаль, что он никогда не произносил это изречение публично.

– Ты права, конечно, но... Это – гражданские колонисты. А потому они в вашем ведении, ваша светлость. Да, и... хотел сказать еще кое-что строго между нами, на ушко, так сказать...

Джоул немного сконфузился – приблизив губы к этому самому ушку, трогательно выглядывающему среди непокорных прядей. Сейчас у нее совсем не такая прическа, как в былые времена – тогда ее роскошные волосы свободно ниспадали на спину, или же она делала строгую, но изысканную прическу, украшая ее цветами.

Корделия казалась встревоженной.

– Вот черт, я так и знала, что ты не все говоришь. Хочешь, чтобы я присмотрелась к этому «Плас-Дэн»? Посмотрим, может, у меня получится что-то сделать.

– Во всяком случае, попытаться стоит. Вот только хорошо, если бы при этом не сорвались поставки пластобетона на следующий год, договорились?

– Угу... – Она окинула недовольным взглядом горы мешков. – Так ты за этим меня сюда затащил? Конус тишины? Зато всем за версту видать, что мы обсуждаем какие-то секретные дела. Впрочем, я была не прочь прогуляться.

Погода сегодня хорошая, даже теплее, чем когда был прием в саду. Небо ясное, свет яркий, золотистый... Ох, наверное у нее ноги болят? Они ведь и правда проделали немалый путь через всю базу? Оливер глянул на ее туфли – вроде достаточно удобные. И в который раз пожалел, что не воспользовался случаем помассировать ей ступни, когда она скинула туфли, чтобы дать отдых натруженным ногам после того приема. Но визит в репроцентр полностью выбил его из колеи. Да и она могла счесть слишком дерзким его предложение заменить Эйрела.

– Э-э... нет. Не только за этим, – признался он. «Совсем не за этим». Просто злополучная компания «Плас-Дэн» была первым, что пришло в голову в качестве благовидного предложения, а идея напустить на них Корделию стала следующим логическим шагом. – Есть еще кое-что личное и совсем с этим не связанное.

Корделия прислонилась к штабелю мешков, скрестила руки на груди и улыбнулась:

– Я всегда готова тебя выслушать.

Он сделал глубокий вдох.

– После нашего недавнего разговора я поручил Тану провести оплодотворение клеток.

– Поздравляю! То есть ты, считай, уже почти отец. Думаешь заморозить зиготы до тех пор, пока не определится, что дальше со службой?

– Да. Во всяком случае, так я ответил Тану, когда он по-

звонил утром. Но вообще-то он звонил, чтобы сказать... ну, в общем, с одним ничего не получилось. А ещё он сказал, что это нормальный отсев на этой стадии.

Корделия ненадолго задумалась, а потом кивнула.

– Я начала с двадцати яйцеклеток, которые привезла с Барраяра. С половиной по тем или иным причинам ничего не вышло. Микробиология куда как сложнее, чем обычно думают. И гораздо безжалостнее.

Его собственная биология добавила к этим потерям еще одну. «Корделия, ты всегда будешь опережать меня на шаг?»

– Тан постарался объяснить мне все максимально доступно. Молекулярная биология – не самая сильная моя сторона. Это не механика. Это...

Корделия внимательно слушала, прислонившись к штабелю мешков. Джоулу показалось, что она встревожилась. «Всему свое время, мистер Джоул».

Он потупился, избегая смотреть ей в глаза.

– Еще две недели назад я ни чем таким даже не думал. Неделю назад я был... обескуражен, наверное. Я не мог решиться. Но мысль о четырех фантомных сыновьях быстро укоренилась в моем сознании. Сначала я думал только об одном, а там уж видно будет. Потом о двоих, потому что обычно считается, что мальчику нужен брат, хотя и не уверен, что мой родной братец лучший тому пример. А потом в голове возникло: «а что, если»... Как я могу... как я смог бы... – Он умолк, смешавшись, не зная, как высказать то, что еще и

сам толком не мог понять.

– Оплакиваешь потерянного ребенка, о котором мечтал?

Джоул кивнул:

– Что-то в этом роде.

Он и сам такого от себя не ожидал. Когда он сказал Тану, что решил запустить процесс, он словно заключал пари с собой – или втайне надеялся? – что из этой затеи вообще ничего не выйдет и все будет как раньше. Он вернется к прежней жизни, без этих мучительных сомнений. «Чем раньше начнешь, тем раньше всё будет позади». А потом, когда его потаенное злое желание частично исполнилось... имеет ли он право горевать?

Он снова посмотрел на Корделию.

– Мне не с кем поговорить об этом, кроме тебя. Честно говоря, именно поэтому мы сейчас здесь.

«Давно бы мог сказать...»

Она закусила нижнюю губу, колупнула носком красную сухую землю.

– Оливер... Мне кажется, ты раб собственных страхов. Пойми же, что тут аморального? Или скандального? Или незаконного? Это не свергнет правительство Империи, и Зергияру ничего, кроме пользы, не принесет. Теперь уже нет никаких причин бояться, что правда откроется и это приведет к ужасным последствиям. Все уже в прошлом. Ты просто пошел в репроцентр и купил анонимно пожертвованную яйцеклетку, а вернее, три. Многие так поступают. И об этом

можно поговорить с кем угодно, почему нет?

– Проще сказать, чем сделать. Ты сама знаешь почему.

– Ну, если ты дрожишь от страха, что тебя осудят те, кто застрял в Периоде Изоляции или еще более дремучих временах и местах, хотя Период Изоляции закончился еще до их рождения... Хочешь сыграть в игру «А как бы поступил Эйрел?». Знаешь, Оливер, он бы сказал так: «Да расскажи об этом, черт возьми!» Или воспользовался бы более крепким выражением. – Она задумчиво сощурилась. – Надо сказать, такой взгляд на вещи приводил в ужас его молодых помощников, когда он уже был в том возрасте, что помощники стали намного моложе его. Старшее же поколение – помнившее, как он куролесил в Форбарр-Султане в молодости, в те самые черные для него годы после страшной гибели первой жены, – не удивилось бы ничему. А впрочем, младшее поколение не затевает бесед со стариками, если можно этого избежать, так что их иллюзии остались при них.

«Уж не Майлза ли она имеет в виду?» – спросил себя Джоул.

Корделия подняла на него взгляд. В ее серых глазах – понимание и мягкая улыбка.

– Оливер, с тобой всё в порядке. И вообще всё в порядке. Это современный Зергияр, а не Барраяр прошлого. Никто никого не убьет в порыве праведного гнева, правда.

– Но при этом даже ты говоришь об «анонимно жертвованной яйцеклетке».

Теперь она уже не улыбалась.

– Активно нарываться на неприятности тоже не стоит.

Он невольно усмехнулся.

– Просто попробуй! – подначивала Корделия в своей обычной, слегка бесцеремонной манере. – Вот когда соберетесь со своими ребятами с базы посплетничать у кулера, или где вы там тусуетесь, на базе или наверху. Так и скажи: «А я сыном думаю обзавестись, как только пятьдесят стукнет». Или что-то вроде того. Молодежь, допустим, не поймет, но почти у всех старших офицеров есть дети. Ты обнаружишь, что вступил в клуб, о котором раньше и знать не знал. Попроси у них совета, им это наверняка понравится.

А что, в этом, пожалуй, есть свой резон. Но так просто сдаваться тоже не хотелось, и он пробурчал, сурово нахмурив брови:

– Солдаты Империи не сплетничают. Мы обмениваемся стратегически важной информацией.

– Ну да, кто б сомневался, – хихикнула Корделия, прикрыв рот ладошкой. – Да вы все там сплетничаете как прачки.

– Так точно, ваше сиятельство, – ухмыльнулся он в ответ. – Как прачки, разве что врут и хвастаются больше. – На сердце как-то полегчало, хотя и не совсем понятно почему.

Корделия стояла совсем близко: только руку протяни – и она в его объятиях... Нагретые солнцем штабеля мешков с этой бетонной дрянью... Они надежно укрыты здесь, в те-

ни, никто их не видит. Как странно, Корделия высокая, а он выше – в который раз уже он это отмечает, когда стоит так близко... Их словно баюкала, мягко окутывая, тишина – даже рев и гул взлетающих и заходящих на посадку катеров доносился словно бы издалека, едва слышно. Они как будто далеко-далеко от всех – за сотню километров, где-нибудь в вулканических горах. Отправились на пикник? А почему бы и нет? Неплохая идея на эти выходные...

Он вдыхал запахи, витавшие в знойном воздухе. Едва уловимый, дразнящий запах пота, запах ее волос, ее душистого мыла, смешивался с запахом пластобетонной пыли. Ее губы... дразнящая улыбка, она чуть запрокинула голову и смотрит на него. Замерла неподвижно и не отстраняется от него. Что бы это значило? Стоп! Что за странные мысли? Похоже, некая безмозглая часть его тела на полном серьёзе полагает, что привалить вице-королеву спиной к штабелю мешков и взять ее вот так, стоя, – это прелестное продолжение дня, причем для нее тоже.

«Ну уж фигурки! Слышь, ты, безмозглый олух, ничего подобного я тебе с вице-королевой сотворить не позволю».

Так, так... И долго еще продлится действие этого бетонского чудо-спрея, хотелось бы знать?

Оливер стряхнул с себя морок и резко отпрянул. Ему показалось – или она затаила дыхание и резко выдохнула? Самому ему точно пришлось унять бешено колотящееся сердце и незаметно отдышаться. Хотелось бы надеяться, что она

ничего не заметила.

– Ну-с, ваше сиятельство, – произнес он бодро, – на ужин?

Она не сразу отошла от штабеля. Опустила голову. На губах играет улыбка. Любезная улыбка – для головида, не для него.

– Как скажешь, Оливер. Веди.

Он хотел было предложить ей руку, но упустил момент, и она уже оказалось впереди. Пришлось последовать за ней.

«Я раздобуду лодку. Обязательно».

* * *

Когда они шли к помещению офицерской столовой, Корделия старалась скрыть огорчение. Она была почти уверена, что Оливер вот-вот ее поцелует. И почти уверена, что ей бы это понравилось. Раньше нравилось, в определенных особых случаях...

«Не глупи, женщина. Он предпочитает мужчин». Она уже много лет это знает.

«Да ну? Почему же он тогда не нашел себе никого за три прошедших года?» Не в те невероятные первые месяцы, конечно. Но она знала, что Джоул пользовался вниманием представителей обоих полов и даже одного гермафродита. Видела все собственными глазами, когда они жили в Форбarr-Султане, и потом, когда он получил назначение на Зергияр. Оливер всех избегал, с головой окунувшись в новые

рабочие задачи, в которых у него – помощника человека, облеченного высшей властью на планете, – недостатка не было. Затем последовал тот удивительный период, когда он так увлекся Эйрелом, что никого другого не замечал. И только со временем блестяще научился всем своим видом демонстрировать недоступность, – как верная форская матрона. Как и она сама, надо полагать, но она-то была женой Эйрела, мало кто рискнул бы досаждать ей назойливыми предложениями. Она никогда не придавала значения пустякам, и это тоже, несомненно, помогало сгладить острые углы. А в случае, если какой-нибудь наглец не понимал намеков, Имперская СБ вполне была в состоянии намекнуть на тщетность его надежд. Обычно это помогало.

Но конечно, что и говорить, опыта в отваживании поклонников Корделии явно не хватало. Да и откуда ей было набраться опыта в таких вещах? Ей было тридцать три года, она была капитаном корабля Бетанского астроэкспедиционного корпуса, а ситуация настолько далека от романтики, насколько это только возможно, и тут вдруг Эйрел, – ха! – влюбился в нее, а точнее, буквально обрушился на нее со своей любовью, – на губах мелькнула улыбка. Ей вспомнилось это на редкость удачное определение Оливера. Да, Эйрел влюблялся именно так, – и с той поры её жизнь уже никогда не была прежней.

Она подумала об откровенности Оливера – реальной, а не в этом деле с «Плас-Дэн». Корделия только сейчас поняла,

что он пытался постичь суть «технологического аборта», не имея слов или даже представлений. Он не знал, как пережить этот опыт. Поможет ли, если она предложит дать погибшей зиготе имя? Или вызваться помочь ему сжечь посмертное приношение? Не слишком ли это назойливо? Оскорбительно? Или это просто не укладывается в голове? Она определенно слышала боль в его голосе. А может быть, выслушать и посочувствовать – уже достаточно? Стать единственным другом, с которым он мог поговорить.

«Проклятие. Я хотела, чтобы это был дар радости, а не... не так».

Офицерская столовая на базе делилась на две части. Внизу кафетерий для тех, у кого нет времени ждать, наверху уже не столь утилитарное заведение с широкими окнами, с видом на космопорт. Готовили для обоих залов на одной кухне, только у блюд, подаваемых наверх, лучше сервировка. И она, и Эйрел нередко проводили рабочие встречи за едой в этой столовой, когда приезжали на базу по делам колонии. Обычно они занимали небольшой отдельный кабинет из тех, что располагались по обе стороны главного зала. Но сегодня Оливер просто провел ее за столик у окна. Все на них смотрели, пока они шли к столику. Персонал, конечно же, немедленно уделил им особое внимание. Официант оказался не новичком и уже не трепетал в присутствии своего адмирала и вице-королевы.

Расправляясь с салатом и главным блюдом, они обсудили

первостепенные, по мнению Корделии, практические вопросы – из нескольких тысяч. В частности, как именно повлияет строительство новой базы. Оливера слегка забавляли ее тайные надежды на то, что крупные инвестиции и привлечение большого числа строителей дадут толчок к развитию Гридграда, и центр колонизации переместится из Каринбурга с его полупустынной экосистемой – не говоря уже о границе тектонических плит, и, как следствие, спящих вулканах – на более благоприятные, процветающие и геологически стабильные территории.

– Прежде всего, это место никогда не предназначали именно для столицы колонии, – доказывала она. – Его выбрали потому, что пещеры горы, которая сейчас называется Маунт-Тера, отлично подошли под склад. Там прятали все необходимое для флота вторжения, чтобы всякие разные, вроде, хм... пролетающих мимо кораблей Бетанского астроэкспедиционного корпуса не обнаружили склад, пока старая военная партия разрабатывала свой идиотский план завоевания Эскобара. И пещеры выполнили своё назначение в точности, как от них и ожидалось, – надо отдать должное проклятым головорезам старого императора Эзара.

Оливер поднял руки, признавая поражение, – они обсуждали это уже не впервые.

Краем глаза Корделия заметила, что кто-то приближается к их столику, и этот кто-то – вовсе не официант с десертом. Она умолкла на полуслове и оглянулась. К ним подошла

адъютант Оливера, лейтенант Фориннис. Что-то случилось? У Корделии ёкнуло сердце. Но тут девушка робко, нерешительно отсалютовала, и Корделия успокоилась.

– Адмирал Джоул, сэр. Добрый вечер. Ваша светлость. – Фориннис почтительно повернулась к Корделии, изобразив нечто среднее между поклоном, армейским салютом и книксеном – видимо, сочла, что именно так и подобает приветствовать вице-королеву. – Прошу прощения, что прерываю вас... – и покосилась на опустевшие тарелки, оценив, очень ли некстати ее появление. – Я получила вот... это и не знала, что делать. Я показала его полковнику Мартин, но она тоже не знала, и поэтому сказала, что нужно спросить вас, сэр, поскольку вы, возможно, знаете всё про такие штуки. Мне сказали, что видели, как вы пошли сюда, ну и... вот оно.

В руке у нее был плотный конверт из цветной бумаги – вполне узнаваемая стилистика, хотя, по правде сказать, такого Корделия здесь увидеть не ожидала. Оливер тоже это узнал. Он, удивленно подняв брови, взял конверт и принялся его рассматривать.

– Ну-ну... что у нас тут, лейтенант?

– Полагаю, это приглашение на прием в цетагандийском консульстве. Хотя формулировки несколько... туманны. От лорда гем Сорена, надо полагать. – Она произнесла эту фразу с нескрываемым подозрением.

– Да, так оно и есть. Адресовано лично вам, ошибки быть не может. Написано от руки, как подобает молодому пре-

успевающему гему. Имеет в этом опыт, значит. Если он не сдрейфил и не воспользовался услугами опытного каллиграфа, что будет сочтено жуткой вульгарностью, если он на этом попадетсЯ. Бумага изготовлена вручную, хорошей выделки, несомненно, покупная.

Он извлек из конверта карточку, аккуратно поднес к носу и приняхался.

Корделия, откровенно забавляясь, откинулась на спинку стула.

– Что еще можешь определить?

– Корица, роза и гардения, как я полагаю. Не слишком тонко, хотя, возможно, он сделал поправку на адресата, что предполагает некоторые попытки соблюдения дипломатической этикет. Или даже, не приведи господь, прямолинейность. Посмотрим, что скажете вы, Корделия.

Он передал ей карточку вместе с конвертом.

– Но ведь мужчина не должен поливать письма духами? – смущенно спросила Фориннис. – Или у них в консульстве все приглашения такие?

– Вы когда-нибудь слышали о языке цветов, лейтенант? – поинтересовалась Корделия.

Девушка нахмурила бровки.

– Кажется, такой обычай был в Период Изоляции? У каждого цветка свое значение? Красная роза – любовь, белая лилия – скорбь и прочая ахиня?

– Именно так, – сказал Оливер. – Ну а цетагандийская

гем-культура, когда они на своей территории, не ограничиваются только цветами. Произведения искусства, художественный вкус в выборе предметов и их сочетаниях, цветы и – само собой – ароматы, вы их сами упомянули. Все они несут зашифрованные послания.

– Значит, я должна показать это послание службе безопасности базы? Правильно?

– Э-э... Кодируются, как правило, светские послания, – пояснил Оливер. – Плазменными пушками они обычно изъясняются прямо, без всяких изысков. Уверен, что это ранит их чувство прекрасного.

– А-а... прекрасного, – протянула Фориннис с сомнением, не требующим расшифровки.

– Итак, элементы, которые тут важны, – продолжил Оливер, – это выбор бумаги, чернил, стиль каллиграфии, подбор слов, за скрытые поэтические аллюзии – дополнительные очки, плюс способ доставки. Кстати, как оно к вам попало?

– Кто-то, видимо, отдал его у ворот, а затем его доставили с общей почтой базы.

– Понятно.

Девушка вытянула шею, разглядывая письмо, которое всё еще находилось в руках у Корделии.

– И что оно говорит? То есть, передаёт?

– Ну, начнем с того, что написано оно в корректной форме, что означает уважение – в личном или профессиональном плане, – начал Оливер.

– Или всего лишь следование рекомендациям учебника по этикету, – добавила Корделия. – Что, впрочем, не свидетельствует против этого мальчика.

Она отдала послание Оливеру, тот повертел его и так, и эдак.

– Бумага сама по себе довольно нейтральна, – продолжил он. – Цвета конверта и карточки сочетаются вполне приятно, так что скрытой враждебности нет. Стиль каллиграфии формальный, не фамильярный, но и не официальный. Но вот запахи... хм...

– Что? – едва ли не простонала Фориннис.

Корделия пояснила:

– Корица означает «сердечность», «теплое отношение», что, предположительно, дает намек на то, как именно интерпретировать остальные ароматы композиции. Розы – на сей раз даже цетагандийцы следуют здесь традиции Старой Земли: любовь, страсть или дружба, в зависимости от оттенка розы.

– А можно разве определить цвет розы по ее запаху? – усомнилась Фориннис.

– Цетагандийцы могут, – сказал Оливер. – Как и многие другие люди, надо лишь немного попрактиковаться. Сверхспособностей для этого не требуется.

– И... о, неужели?... как же я забыла гардению! Оливер, сделай одолжение.

– Надежда, – тихо проговорил он, чуть сощурившись, но

в остальном сохраняя полную невозмутимость. – Лорд гем Сорен просит вас о свидании, лейтенант, и надеется, что вы согласитесь на его просьбу. – С этими словами он вернул девушке послание.

Та взяла бумагу с неподдельным изумлением.

– Ну и ну! Зачем?

Корделия нахмурилась. Ничего доброго ни для гем-лорда, ни для форессы-лейтенанта это не предвещало. И что теперь делать ей, Корделии: психовать или усесться поудобнее и смотреть шоу? Пока что можно усесться поудобнее...

– Что тут скажешь... Гемы очень амбициозны, – пояснил Оливер. – Об этом геме мне известно совсем немного, но можно предположить, что он хочет либо выставить в дурном свете вас, либо в хорошем – себя.

Фориннис все еще пребывала в недоумении.

– Я не совсем поняла вас, сэр.

Оливер задумчиво потер ладонью губы.

– Вот и другой вариант. Атташе по культуре... Зачастую это шпион под прикрытием. А самый ловкий способ шпионить за боссом противника – встречаться с его секретарем.

– Сэр! Да я бы никогда!.. – искренне вознегодовала Фориннис.

– Я и ничего такого и не предполагал, лейтенант.

– Это, конечно, работает в обе стороны, – заметила Корделия. – Оливер, у вас есть подходящая деза, чтобы скормить на этой неделе цетагандийскому консульству?

Лейтенант, явно заинтересовавшись, слегка расслабилась.

– Да ничего такого вроде. А у вас?

– Сразу не скажу. Надо подумать.

– Но что мне со всем этим делать, сэр? – спросила Фориннис, помахивая своим... любовным посланием? Приманкой? В конце концов, цетагандийцы способны лгать на языке цветов не хуже прочих, не генмодифицированных людей.

– В данный момент мы с Цетагандой не воюем, а дипломатические отношения между нами даже нельзя назвать напряженными.

«По меркам Оливера, разумеется», – подумала Корделия.

– Я бы сказал, лейтенант, что вы можете принять или отклонить это предложение, как вам больше нравится.

– Впрочем, если вы пожелаете отбрить парня, адмирал Джоул предоставит вам полезные справочные материалы, – заметила Корделия.

– Есть справочное пособие для военных при дипломатических миссиях в Цетагандийской империи, я обращаю на него ваше внимание, лейтенант, но только для общей, так сказать, информации по этому вопросу. Не советую следовать ему, если вы не специалист. Слишком много чести. – И через пару секунд добавил: – А еще это пособие очень длинное и подробное.

– Вы его читали, сэр?

– Да, пришлось зубрить эту чертову книжку, когда я стал личным помощником премьер-министра. И пригодилась она

мне гораздо раньше, чем я ожидал. На Ступице Хеджена – в той войне.

– Да, сэр. – Фориннис смотрела на него, задумчиво хмурясь. – Так вы полагаете, это пригодится для... дальнейшей карьеры? «Знай своего врага»?

– Как любил адмирал Форкосиган, знать нужно всё. Это, конечно, никому не доступно. Но он учил, что надо стараться этого достичь, пытаясь снова и снова. Я счел необходимым предупредить вас о возможных рисках и надеюсь, вы это обдумаете. С остальным, полагаю, вы справитесь сами.

– Сэр... Спасибо вам, сэр! Мэм... Спасибо, что уделили мне внимание. – Она по-военному отсалютовала и отошла от их стола, вертя в руках письмо, с совершенно несчастным и потерянным видом.

Корделия старалась сохранять невозмутимость, с трудом сдерживая смех.

– Оливер, как не стыдно! Ты же подзуживал бедную девочку!

– Эй, это моя работа наставника. А может, я просто проявил милосердие к несчастному гем-лорду.

– То, что ты натравил на него Фориннис, вряд ли можно квалифицировать как жест милосердия.

– Ну... там видно будет, как оно сложится. Хотел бы надеяться, что она сама мне потом доложит.

– Если доложит, не забудь со мной об этом посплетничать. Нет, ну надо же!

– Договорились. Встречаемся у городского фонтана, прихвати стиральную доску.

– Я принесу свое грязное белье, если ты принесешь свое.

– Пожалуй, не стоит и дальше уподобляться прачкам, э? – улыбнулся он.

Тут как раз принесли десерт, и разговор прервался. Оливер посмотрел в ту сторону, куда ушла девушка, и сдавленно хихикнул.

– Эй, я тоже хочу посмеяться, – заметила Корделия.

– Просто это её ароматное письмецо напомнило мне одну из Эйреловых историй. О боже, надо ли ее рассказывать? Я ведь, наверное, единственный живой свидетель...

– И если ты упадешь замертво, она будет потеряна для исторических хроник? Ну же, Оливер, делись.

История явно была не из тягостных, иначе бы он так не ухмылялся.

– Тебе, может, и расскажу. Не могу представить, как рассказать такое Фориннис. Да и вообще кому-то другому. – Он прожевал кусочек щербета. – Ладно... итак, эта войнушка на Ступице Хеджена закончилась, и мы надолго зависли на орбите Вервана. Юный Грегор обхаживал верванцев, всячески старался произвести хорошее впечатление. А мы с Эйрелом тем временем разбирались с деталями – шестисторонним соглашением о прекращении огня и мирным урегулированием. Был там один совершенно несносный цетагандийский посланник, который решил, что нам можно морочить

голову, хотя войну-то они проиграли. Он пачками слал все эти письма, написанные от руки каллиграфическим почерком, очень официальные и якобы уважительные. Несладко пришлось тому бедняге, который все это расшифровал...

– Этим беднягой был ты?

– Чаще всего – да. По крайней мере мне доставались самые пылкие. В общем, на нас обрушили лавину посланий, и каждое последующее оказывалось всё ароматнее, порой до десятка запахов в одном письме. Мы умаялись отсылать их в лабораторию для химического анализа, чтобы убедиться, что все верно разнюхали. И большинство писем, если интерпретировать должным образом, что, по мнению отправителя, нам было не по зубам, – содержали всяческие смертельные оскорбления. Этот гемский засранец уже совсем довел Эйрела своими выходками, и, когда я пытался расшифровать самое последнее, он заявил: «Дай-ка мне эту записюльку», вырвал письмо у меня из рук и проследовал в туалет. Где и пометил послание... э-э... собственным персональным запахом.

Корделия, чтобы не расхохотаться в голос, прижала ко рту салфетку.

– О! Понятно... – Да чего уж тут непонятного? Разумеется, Эйрел его описал.

– «Им не составит труда интерпретировать *это* послание», – сказал он. А потом запихнул письмо в тот же конверт, в котором его доставили, и велел мне отнести его обратно на

цетагандийский флагман. О, ну и видок был у посланника! Не помню, когда еще я так веселился. Выражение лица было непередаваемо, даже под боевым раскрасом.

– Ох, батюшки! И что же было дальше?

– Посланник ни слова не сказал. Но, очевидно, Эйрел был прав, что они всё поймут. Этот тип из делегации исчез, а следующий представитель оказался более миролюбивым и не усердствовал с запахами.

– Ты прав. Я никогда об этом не слышала.

– О, исторические хроники весьма старательно умалчивают об этой переписке. Причем, насколько я знаю, с обеих сторон. Я счел, что это было сделано идеально, но нужно, чтобы оценить по-настоящему, это надо было видеть собственными глазами. И я окончательно понял, что Эйрел делает для Барраяра всё, что угодно. Не зная границ.

– Это... правда.

– За этот жест Эйрелу было абсолютно не стыдно. Ход определенно сработал и нагнал на цетов страху. Впрочем, потом он слегка устыдился, что его таки вывели из себя.

– О да, у него был на этом пунктик.

«Эйреловы истории, – подумала Корделия. – Мало-помалу всё его неизмеримое присутствие сводится к таким вот «Эйреловым историям».

– Терпеть не могу говорить о нем речи на публику, – вздохнула она. – Каждая выдержанная, отредактированная речь, из которой вырезаны ненадлежащие фрагменты, при-

водит к тому, что он выглядит мельче и проще. Его идеализируют, превращают реального человека, каким он был, в символ, который сами хотят видеть.

– Может быть, в символ, который им необходим?

Она отрицательно покачала головой:

– Лично я думаю, что им надо привыкать иметь дело с правдой.

Он поморщился:

– На меня в прошлом и так свалилось слишком многое, о чем следовало молчать...

Она понимающе кивнула.

– ...но черт побери, как же я рад, что мне не приходится произносить эти дурацкие речи.

– О да.

Глава четвертая

На следующее утро Джоул проводил совещания по строительству новой базы, и казалось, что этому не будет конца. Спецы по логистике и финансированию уже провели первичную обработку предложений поставщиков и теперь всю проталкивали своих фаворитов. Решение должно было исходить от Джоула и Хайнса, а подчиненные не облегчали им задачу. Обычно интересы этого отдела штаба на Зергияре совпадали – ну, или почти совпадали – с интересами Императора, но так происходило не всегда, и Джоулу приходилось то и дело напоминать себе, на чьей он стороне, когда присутствующие на совещании всё настойчивей и громче отстаивали свою позицию, снова и снова возвращаясь к тем же пунктам и живописуя их всё более яркими красками.

Прервавшись на поздний ленч, они с Хайнсом вместе пошли в офицерскую столовую. Пересекая главный плац, Хайнс хмуро глянул на видневшиеся в отдалении штабели пластобетона.

– Ну и как, есть успехи с этими поганцами из «Плас-Дэн»? – поинтересовался он.

– Вице-королева обещала подключить своих людей из судебно-бухгалтерской экспертизы. В зависимости от того, к каким выводам они придут, мы сможем предпринять хоть что-то дельное. Я надеюсь получить ответ в начале будущей

недели. Но по большому счету, пластобетон нам все же нужнее, чем месть.

Хайнс недовольно поморщился.

– Знаешь, иногда зло берет! Вот есть у тебя все эти парни, вооруженные до зубов... а толку-то, если никого пристрелить нельзя? Враз бы полегчало.

Джоул только хмыкнул в ответ.

В общем-то, Теодор Хайнс ему нравился. Генерал получил назначение на Зергияр всего два года назад, типичный работяга. Ему оставалось лет пять до той самой второй двадцатки, и это, в первую очередь, значило, что всё делается в срок, без лишней суеты. В мирное время такой вариант, конечно, предпочтительнее, чем типаж вояки, которому лишь бы крушить что ни попадя, – и генерал вовсе таким не был, если не считать стойкой антипатии к гражданским поставщикам.

В семейной жизни Хайнса творились какие-то непонятки. Когда его назначили на Зергияр, жена, с которой они прожили много лет, осталась на Барраяре – вроде бы, чтобы ухаживать за пожилыми больными родителями, но возможно, просто не захотела переезжать в очередной раз вслед за мужем. Двое его старших сыновей учились сейчас в колледже: один на Барраяре, другой на Комарре. Это объясняло весьма скромный образ жизни Хайнса и то, куда девалась большая часть его жалованья. А вот дочь несколько месяцев назад отправили на Зергияр к отцу. Джоул не знал, как это рас-

ценивать: то ли как предвестие скорого появления жены, то ли юная Фредерика Хайнс была заслана матерью шпионить за отцом. Если верно второе, то подозрения матери не подтвердились. Хайнс хранил верность брачным обетам – скорее всего просто не хотел нарываться на неприятности.

Когда они забрали свои подносы в кафетерии и сели за столик у окна, Хайнс сказал:

– Кстати, сменим тему. Меня послали сюда на разведку.

– Да ну? – Джоул развернул бумажную салфетку и принялся изучать неаппетитный сэндвич. Но в такую жару дежурное жаркое и слипшиеся макароны были еще сомнительней.

– Вроде бы твои офицеры стоворились устроить тебе сюрприз на юбилей. Планируют вечеринку. Я не против вечеринки, но полагаю, что фактор неожиданности тебе не слишком понравится.

– Это точно, – согласился Джоул, хотя в душе и был тронут. Конечно, они только и ищут повод, чтобы выпиться и вволю позапускать фейерверки, но всё равно трогательно. Так сказать, заговор шиворот-навыворот. – Хотя я, вообще-то, не в диком восторге и от самой вечеринки. Собирался просто не отмечать день рождения. Все эти шуточки про возраст, знаешь ли...

– Знаем, как не знать! – Хайнс был на полдесяток лет старше и не проявил должного сочувствия к переживаниям коллеги.

– Как-то рановато они, – нахмурился Джоул. – До юбилея ведь еще не один месяц.

– Они что-то такое грандиозное задумали. Хотят иметь запас по времени.

– Заскучали, видать. Могу подкинуть им работенки.

Хайнс усмехнулся:

– Тут есть и свои плюсы. Если позволить им устроить праздник на базе, это проще держать под контролем. Лучше иметь дело с СБ базы на предмет возможного ущерба, чем с муниципальной охраной Каринбурга.

– А еще лучше отправить их за полсотни километров, куда-нибудь в пустыню, там уж точно ничего не спалят.

– Провиант доставлять несподручно.

– Назовем это полевыми учениями?

– Хм, тоже вариант... – Хайнс словно бы уже рисовал себе эту картину.

– Муниципалов все равно надо предупредить, – заметил Джоул. – Учитывая, что наши мальчики и девочки притащат городских. Назовем все совместными маневрами. Если ты им намекнешь, что альтернативный вариант в центре города, они наизнанку вывернутся, чтобы помочь тебе провести ее на природе.

Хайнс хмыкнул.

– Нравится мне ход твоих мыслей, Оливер. Не хотел бы я быть твоим оппонентом в дебатах, попробую не забывать. – Он задумчиво отправил в рот еще кусочек жаркого, проже-

вал и добавил: – И еще семьи. Вытащим на пикник еще и жен с детьми, заодно уж.

– Неплохая мысль.

– Можешь сам привести кого-нибудь.

Пожалуй, эта вечеринка сулит приятные возможности.

– Я могу пригласить вице-королеву Форкосиган.

Хайнс поджал губы:

– Не то что я назвал бы «привести кого-нибудь», но это точно задаст тон мероприятию.

Может, и так, но вряд ли это придаст пикнику чаемый Хайнсом чинно-благопристойный тон. Впрочем, тот не слишком хорошо знает Корделию.

– Хотя на такой вариант никто пари держать не будет, – добавил генерал слегка разочарованно.

Джоул не стал прикидываться, что не понял.

– Они делают ставки, приду я с женщиной или с мужчиной? – В его голосе был явный сарказм. – А как тебе такой вариант? Мы с тобой сговоримся, я приглашаю консула Вермийона, и тогда мы их всех сделаем, а?

Хайнс поднял раскрытую ладонь.

– Это не мое дело, меня просто все они спрашивают. Как будто я знаю!

– Я... и знать не знал... – растерялся Джоул. Хотя и не понимал, за что должен извиняться. «Наверное, потому, что и извиняться-то не за что?»

В баррээрском офицерском корпусе считалось желатель-

ным, чтобы у высшего командного состава были стабильные гетеросексуальные семьи – во избежание внеслужебных личных драм, которые могут сказаться на исполнении служебных обязанностей. Но, как считал Джоул, для этих целей вполне годилась любая личная жизнь, не обязательно традиционная. Своего мнения он, разумеется, ни от кого не скрывал, подчеркивая, что главное тут «никаких драм!».

– Может, я и зря спрашиваю, но какие слухи нынче ходят о моей личной жизни? – «Или об отсутствии оной».

Хайнс пожал плечами.

– Тебя называют псом, который не лает по ночам.

– Что-что?

– Да не смотри на меня так! Мне говорили, это цитата из какой-то книги. Потому, видать, и бессмыслица. – Хайнс нахмурился, что-то припоминая. – Цетагандийское влияние, я так думаю.

– Понятно. – Что ж, могло быть и хуже. Проблема со слухами в том, что если не давать им вообще никакой пищи, они расцветают буйным цветом. – Добро пожаловать в аквариум, адмирал Джоул! Ну, а впрочем, здесь всё же лучше, чем в Комаррианском штабе. Или на флоте метрополии, храни их господь. – Было время, он рвался на Комарру, в «горячую точку» Империи. И не там ли он в считанные годы растерял свои юношеские иллюзии и порывы? Возможно, именно здесь, на Зергияре, он обрел некий смысл?

– Это точно, – согласился Хайнс.

Джоул задумчиво посмотрел на генерала. Довольно рассудительный, имеет родительский опыт, образцовый представитель высшего командного состава. А еще умеет держать рот на замке. Наверное, Корделия бы согласилась, что Хайнс – почти идеальный «испытываемый объект». Джоул попробовал мысленно проговорить то, что собирался сказать. И вот, отбросив сомнения – или панический ужас? – рискнул произнести вслух:

– Вообще-то, к своему пятидесятилетию я подумываю завести сына.

Брови Хайнса поползли вверх, но он все же не свалился со стула и не проявил никакой бурной реакции.

– А разве перед этим не надо пройти предварительные этапы? Или ты сумел всё повернуть втайне от всех заинтересованных лиц?

– Их не так много, как можно подумать. Вице-королева («Ага, спрячься за юбками Корделии!») неоднократно расхваливала новый репродуктивный центр. Похоже, все, что требуется – это просто пойти туда, представиться и купить донорскую яйцеклетку. Ну, придется, конечно, попрыгать через обручи, чтобы доказать, что ты, э-э... приемлемый клиент. Но зато ты избавлен от массы промежуточных заморочек.

– Свиданий, ухаживания и свадьбы? И родственничков? – Хайнс ухмыльнулся. – Вообще-то похоже на жульничество.

– Инопланетники, как мне говорили, так и делают. – «Все-

гда только так делают», пожалуй, некорректная формулировка.

– Ну... инопланетники, – протянул Хайнс.

– Честно говоря, мне при данном сценарии почему-то представляется парнишка лет семи. Разумный возраст и все такое. Тот, с кем я могу поговорить и что-нибудь вместе делать. Хотя плохо себе представляю, как из одной клетки получается такое.

Хайнс пожал плечами:

– Когда у тебя на руках младенец, об отдыхе придется забыть, но каждый, кто способен научиться разбирать оружие в полевых условиях, может выучиться и менять треклятые подгузники. Малыша надо держать нежно, но крепко, как невзорвавшуюся бомбу. Терпеть не могу всех этих нытиков, разве ж это мужики? Боятся руки запачкать! Как бы они управлялись, интересно, в давние времена, когда еще была кавалерия, и приходилось навоз выгребать тоннами? Но младенцы хотя бы остаются более или менее на том месте, где их положишь. А вот когда подрастут... это же маньяки-самоубийцы, почти все, что мальчики, что девочки. Вот этот этап я рад был бы пропустить. – Он отхлебнул чаю со льдом. – Не знаю, почему у тебя нет того, с кем создать семью, и не буду уточнять, каковы твои вкусы, Оливер, не мое это дело, но я тебе так скажу: родительство – это игра в команде. Без линии защиты и запасных не обойтись. Признаюсь, с моими детьми чаще возился не я сам, а семья моей жены или женщины с

базы, в зависимости от того, где мы тогда жили. Вот это, похоже, самой большой недочет в твоём плане сражения.

– Вице-королева говорила, что можно нанять кого-нибудь в помощь.

– Это на Зергияре? Ты пробовал нанять хоть кого-нибудь на Зергияре в последнее время?

– А как насчет сотни подрядчиков?

Хайнс поднял руки:

– Сдаюсь. Но это не упрощает задачу в частном случае. – Он прищурился. – Я вот предложил Фредди найти какую-нибудь подработку. Она-то, небось, уверена, что я это всё затеял, потому как жалею ей денег на карманные расходы, ну, а по-моему, так у нее не будет времени нарываться на неприятности. Да и что ей делать с деньгами? Всё одно, что дать боекомплект алкашу. С младенцами не просто, конечно. Но подростки... настоящий кошмар. Тебе всё это еще предстоит, Оливер.

– Ну, наверное... лучше действовать пошагово.

– Хм, иначе и не получится. Может, это и хорошо. – Немного помолчав, Хайнс добавил: – Не стану отрицать, репроцентры вызывают у меня смешанные чувства, но для своей дочери я бы тоже это предпочел. Может быть. Ей вот с мальчиком тогда и встречаться-то незачем. – Он помедлил, размышляя о привлекательности такого состояния абстрактных любовных дел, иначе говоря – их полного отсутствия.

– У тебя, мне кажется, должно прекрасно получаться от-

пугивать поклонников.

– Эх, любому известно, что запрещается использовать плазменную пушку в личных целях.

Джоул рассмеялся, чуть не подавившись сэндвичем.

– Ей ведь всего... сколько? Пятнадцать, да?

– Да. Я уж постарался, чтобы этот факт был принят к сведению, но нет никакой гарантии, что это поможет. – Хайнс вздохнул. – Ужасный это возраст, пятнадцать. То, как и раньше, она моя маленькая принцесса, папина малышка, а то вдруг ни с того ни с сего... такое творится... Словно в ее мозг вселилась какая-то чужая, враждебная форма жизни. То всё куклы, бантики и мимими... а то вдруг вервольфица, как подменили! – Хайнс выставил скрюченные пальцы и угрожающе оскалился. Пожалуй, весьма выразительная мимика, Джоул не ожидал, что обычно сдержанный Хайнс учудит такое. – Сейчас ванная стала у нас полем боевых действий. На прошлой неделе она притащила туда половину своих друзей и сына цетагандийского консула, они все обучались наносить боевой раскрас гемов.

– Может, э-э... интерес к культуре? – попытался хоть как-то утешить его Джоул.

– Ха! Так и думал, что именно это ты и скажешь. А когда я заставил ее все там отмыть... а как иначе, согласишься?.. Она дала мне понять, что я совсем сбрендил. Ури Безумный. Не иначе.

– Хм-м, а ты не можешь затребовать помещение с двумя

ванными?

– Сейчас на базе жилья не хватает. Мне пришлось бы оттеснить в очереди семью другого офицера.

– А если надавить?

– Хм-м, но тогда, получится, что я тем самым оттесню в очереди его жену, что будет иметь, как говорится, немалые последствия. У жен на базе своя, как бы это сказать... вице-королева, возможно, назвала бы это культурой. Я бы лично назвал это сетью заговорщиков. Посмей только перейти им дорогу... – И добавил, помолчав: – Но я внес себя в список очередников.

– Весьма разумно.

Хайнс пожал плечами:

– Как говорится, выбери платформу. – Он еще подумал и заявил: – С этими маточными репликаторами одна проблема: недостаточно их там держат! До двадцати бы! И почему какой-нибудь бетанский умник не придумал, как их там продержать до двадцати? Клянусь, на это был бы спрос! – Он выпил последний глоток чая и захрустел льдинкой.

Когда они шли обратно через плац, чтобы продолжить баталии со снабженцами и бухгалтерами, Джоул глянул на Хайнса и понял: похоже, Корделия права, тайный родительский клуб существует. За последний час он узнал про своего генерала больше, чем за полсотни рабочих совещаний, которые они уже провели. А Хайнс вроде бы совсем не против считать Джоула как бы... кандидатом в члены клуба? Поче-

му-то это вселяло уверенность. Или, может, они просто как бы товарищи по несчастью? Чужие дети всегда были Джоулу абсолютно неинтересны, но сейчас он чувствовал, как открываются новые горизонты. И это немного пугало.

На барраярские военные корабли не берут семьи, а на отдаленных станциях, чье дело защищать жизненно важные – и зачастую спорные – п-в-туннели, не приветствуются лишние люди, попусту занимающее драгоценное жизненное пространство. Так и получалось, что семьи военных размещались, главным образом, на базах, поддерживающих косморт на планете, – таких, как здешняя база Хайнса. В процессе службы наверху Джоул с такими вопросами сталкивался лишь на расстоянии и рассматривал их как факторы, мешающие техникам и военным заниматься делом. Возможно, космическому адмиралу есть чему поучиться у наземного генерала.

И еще он стал лучше понимать, почему Корделия так настаивала на заполнении формы о ближайшем родственнике. Барраярская история полна подробностей о деятельности Эйрела в первые годы регентства, бывшие одновременно и первыми годами его брака. Но о Корделии история больше умалчивает, если не считать эффектного подавления мятежа Фордариана, чего она достигла, обезглавив узурпатора. Корделия практически полностью была занята заботами о Майлзе: в тот период медики не были уверены, что ребенок выживет. А когда она отпустила Эйрела на смертельный бой

за п-в-туннель к Ро Кита (потом это назовут Третьей Цетан-гандийской войной), то осталась одна – изгнанница из родного мира, чужестранка в чужом. Ждать помощи от графа Петера, ее свекра, было бесполезно – от него исходила лишь реальная угроза жизни маленького Майлза. Как бы оно всё обернулось для Эйрела, не будь Корделии, которой он мог доверить своего любимого сына?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.